

Смерть и немного любви

Автор:

Александра Маринина

Смерть и немного любви

Александра Маринина

Каменская #7

В одном из загсов Москвы раздается выстрел, в результате которого убита невеста. В тот же день, с интервалом в два часа, в другом загсе происходит аналогичная трагедия. Расследуя эти таинственные убийства, Анастасия Каменская выясняет, что многие невесты накануне получили письма с угрозами, но никто из них почему-то не обратился в милицию...

Александра Маринина

Смерть и немного любви

Глава 1

Рабочий день быстро катился к концу, а Анастасия Каменская никак не могла привести в порядок свои многочисленные бумажки, записи, статистические таблицы. Но порядок навести надо было непременно, потому что сегодняшняя пятница была последним рабочим днем перед отпуском. И вообще это был последний день ее незамужней жизни. Завтра, тринадцатого мая, в субботу, она, Настя Каменская, выйдет замуж.

Когда три месяца тому назад они с Алексеем Чистяковым подали заявление в загс, шуткам по этому поводу конца не было. Все знали, что Насте скоро исполнится тридцать пять, что с Чистяковым она знакома с девятого класса школы и все эти годы они были вместе, что замуж Каменская не хочет и к семейной жизни интереса не испытывает. Поэтому неожиданное ее решение вызвало у знакомых и коллег шквал вопросов, один другого ехиднее и бестактнее. Некоторые с подозрением оглядывали ее тонкую худощавую фигуру в поисках примет развивающейся беременности, другие уверяли, что Чистяков получил приглашение на работу в Стэнфордский университет и только перспектива спокойной жизни за границей в роли профессорской жены подвигнула Анастасию на столь неожиданный шаг. У третьих, краем уха наслышанных о нескольких сложных ситуациях, в которые попадала Настя, сложилась оригинальная версия, согласно которой та просто стала бояться жить одна.

Но какими бы ни были объяснения, внешне поведение Настиных знакомых было совершенно одинаковым. Они подтрунивали над ней, но не скрывали своего одобрения. В конце концов, давно пора остепениться и стать как все.

Сегодня, двенадцатого мая, накануне свадьбы, все как с цепи сорвались. Не проходило и двадцати минут, чтобы кто-нибудь не позвонил или не зашел в ее кабинет с очередной дурацкой шуткой. Даже серьезный и не улыбочивый Игорь Лесников, позвав ее обедать и получив вежливый отказ, съехидничал:

– Конечно, сегодня можешь и поголодать. С завтрашнего дня у тебя дома будет персональный повар.

Настя не обиделась, потому что прекрасно понимала, на что намекал Игорь. Она была патологически ленива во всем, что не касалось работы. Она действительно не умела готовить, не любила ходить по магазинам, а дома старалась питаться так, чтобы количество грязной посуды было минимальным. Зато Леша был царь и бог не только в математике, но и на кухне. С тех пор как Настины родители разменяли свою большую квартиру на две маленькие и отселили взрослую дочь, Леша взял на себя заботу о здоровье своей подруги, потому что, если бы он не приезжал к ней как минимум раз в неделю готовить обед, она так и питалась бы бутербродами, запивая их немыслимым количеством крепкого кофе.

С огромным удивлением она узнала, что весть о ее предстоящем замужестве достигла не только ее друзей. Собственно, в том, что об этом узнали многие,

ничего странного не было, но она не предполагала, что этот факт может интересовать кого-то, кроме тех, кто ее давно знает. Оказалось, она была не права. Несколько дней назад она приезжала в городскую прокуратуру к следователю Ольшанскому и столкнулась у него в кабинете с человеком, которого сама же разоблачила несколько месяцев назад и который ныне сидел в следственном изоляторе.

– Не повезло мне, – криво усмехнулся тот. – Протянул бы до мая, а там вы меня уже не поймали бы.

– Это почему же? – заинтересовалась Настя. – Куда б вы делись?

– Я бы никуда не делся, а только вы вышли бы замуж, – пояснил кандидат на высшую меру.

– Ну и что?

– И ничего. Вам не до меня стало бы. Это только у старых дев хватка бульдожья, потому что они вообще всех мужиков ненавидят. А у замужних женщин голова другим занята, они уже не работники, а так, отсиживают и зарплату получают. Так что я, считайте, неудачник.

Вернувшись на Петровку, Настя рассказала об этом своему начальнику, полковнику Гордееву.

– Вот! – торжествующе воскликнул он. – А я тебе что говорил?

– А что вы мне говорили? – растерялась она, не понимая, что так воодушевило Виктора Алексеевича.

– А я тебе говорил, что самое грозное оружие сыщика – это его репутация. Не умение стрелять из «пушки», не быстрые ноги, не черный пояс карате, а именно репутация. Ты у меня маленькая тихая девочка, никто тебя не видит и не знает, сидишь в своем кабинетике и аналитические справочки для меня сочиняешь. Верно? А видишь, уголовнички наши тебя обсуждают. Значит, ты им интересна. Значит, ты для них опасна. Если уж они сами это признают, то это самая верная оценка. Запомни, Стасенька, плох тот сыщик, о котором уголовный мир ничего

не знает. Потому что раз не знает, значит, не интересуется. А раз не интересуется, значит, не боится. Значит, прошел преступник через руки такого сыщика и не заметил его, не запомнил. Уяснила?

– Да бросьте вы, Виктор Алексеевич, – вяло отмахнулась она. – Какой я сыщик? Смех один. Я аналитик, а не сыщик.

– Ну, смейся, смейся, – добродушно разрешил полковник. – Поглядим еще, долго ли ты будешь смеяться.

Это было четыре дня назад, и тогда Настя Каменская даже не подозревала, насколько прав ее начальник. И сегодня, накануне свадьбы, ей и в голову не приходило, что пройдет меньше суток, и она убедится, что преступники знают не только ее имя и фамилию. Но это случится лишь завтра, а сегодня она сидела в своем кабинете на Петровке, 38 и методично разбирала скопившиеся в сейфе и в ящиках стола бумажные завалы.

Почти в половине восьмого позвонил отчим.

– Ребенок, ты поедешь со мной в аэропорт встречать маму?

Настя замаялась. Она не видела мать несколько месяцев, но ведь все равно они завтра увидятся. А ей еще столько всего нужно сделать...

– Понял, – сухо сказал отчим. – Ты опять вся в делах.

– Ну папуля, – умоляюще протянула она. – Мне перед отпуском нужно все хвосты подчистить. Ты же сам знаешь.

– Знаю, – смягчился Леонид Петрович. – Слава богу, у тебя ума хватило отпуск взять. Ладно, поеду один.

– Спасибо, папуля, – с чувством сказала Настя. – Завтра увидимся.

Господи, как же ей повезло в жизни! Отчим, которого она, сколько себя помнила, называла папой, всегда понимал ее с полуслова, потому что сам много лет проработал в уголовном розыске. Начальник, с которым у нее за все восемь лет

ни разу не возникало проблем. И Леша, который не только любит ее, но и знает как облупленную, поэтому никогда за все годы знакомства не сделал по отношению к ней ни одного неверного движения. Правда, ей понадобилось немало времени, чтобы понять, что это-то и есть самое ценное в человеческих отношениях, а вовсе никакая не африканская страсть и прочие глупости. Как только эта простая истина открылась ей, она тут же согласилась выйти за Чистякова замуж. Но объяснить это кому бы то ни было оказалось просто невозможным. Внешне все выглядело так, будто она согласилась выйти за него только потому, что он подарил ей компьютер. Даже самый близкий товарищ ее по работе Юра Коротков, и тот не мог ее понять.

– Лешка получил большой гонорар за учебник и купил мне компьютер, не сказав ни слова, – объясняла Настя. – А потом вышел меня встречать на автобусную остановку и стал спрашивать, не хочу ли я поехать куда-нибудь на Средиземное море отдыхать. Ты понимаешь? У меня дома уже стоял распакованный компьютер, а он идет по улице и спрашивает, не хочу ли я эти деньги потратить на поездку.

– А вдруг ты согласилась бы? – недоумевал Коротков. – Захотела бы на море, а он уже деньги потратил. Что тогда?

– Так в том-то и дело, что он был уверен в моем ответе, – горячилась Настя. – Он настолько хорошо меня изучил, что совершенно точно знал, чего я хочу больше. Хотя я ни разу не заикнулась ему ни о том, что мне нужен компьютер для работы, ни о том, что я хочу на Средиземное море. Представь себе, что твоя жена каждый день по утрам дает тебе яичницу, потому что готовить что-нибудь серьезное на завтрак времени нет, а одним чаем ты не обойдешься. Исходя из традиционно имеющихся в доме продуктов, она может предложить тебе либо сосиски, либо яичницу, но сосиски ты терпеть не можешь, поэтому каждое утро ты получаешь свою глазунью. И вдруг ситуация стала другой, набор продуктов кардинально изменился. Яиц больше нет, зато есть йогурты, салат из креветок и крабов, ананасово-банановый десерт, свежие устрицы и барбекю. Она сможет, не задавая тебе ни одного вопроса, совершенно точно выбрать то, что ты захочешь съесть на завтрак? Заметь себе, раньше ей такую задачку решать не приходилось, потому что ничего этого раньше и в помине не было. Ни ты, ни она этого никогда не ели и вкус этих продуктов не обсуждали. Сможет?

– Вряд ли, – покачал головой Коротков. – Да я и сам, наверное, не смогу выбрать. Из того, что ты назвала, я только йогурт ел.

– Ну вот, видишь. Точно так же и Лешка. Он никогда не обсуждал со мной вопрос о том, как бы я захотела истратить три тысячи долларов. У меня таких денег сроду не было, у него тоже, так что и обсуждать было нечего. А когда они появились, он совершенно безошибочно определил, что бы я с ними сделала. Для этого надо не только знать меня, но и чувствовать, как себя самого. Вот тогда я и поняла, что другого такого Лешки в моей жизни никогда не будет.

– Ну конечно, – скептически усмехнулся Коротков, – ни один нормальный мужик не станет терпеть твою бесконечную работу и твою безразмерную лень. Признайся, тебе просто захотелось семейного уюта, но созданного чужими руками, и не пой мне песни про высокие чувства. А то я тебя не знаю!

– Да ну тебя, Юрка, – вздохнула Настя. – Вечно ты все опошлишь.

История с компьютером не убедила никого, но тем не менее все было именно так. И сегодня, в пятницу, около девяти часов вечера, запирая дверь своего кабинета и мысленно прощаясь с ним почти на полтора месяца, Анастасия Каменская подумала, что, пожалуй, не совершает ошибку, выходя замуж.

По дороге к метро она вспомнила, что собиралась купить подарок сводному брату. Александр Каменский, сын Настиного отца от второго брака, тоже собирался вступать в брак и тоже завтра. Он был моложе ее на семь лет и прожил свою жизнь в суматошных делах бизнеса, унылых сухих расчетах и больших долларах. Он был удачно, но скучно женат и не помышлял ни о каких праздниках жизни, пока не встретил удивительную девушку, которая любила его горячо, искренне и совершенно бескорыстно. Саше понадобилось немало времени и усилий, чтобы в это поверить, зато потом он в одно мгновение превратился в волшебника, для которого наивысшим наслаждением было делать подарки и устраивать чудеса. Узнав, что сестра, сыгравшая такую большую роль в его отношениях с Дашей, выходит замуж 13 мая, он пустил в ход все свои способности и деньги, чтобы успеть развестись, и договорился, чтобы его бракосочетание с новой невестой было назначено на этот же день. Конечно, ему хотелось бы, чтобы обе свадьбы состоялись в одном загсе, но тут не помогли никакие связи: регистрировали браки только по месту жительства жениха или невесты. Исключение составлял только Дворец бракосочетаний, где регистрировали всех, но тут Настя стояла насмерть: никаких Дворцов, никакой помпезности, все должно быть быстро, тихо и скромно.

Его грандиозный замысел состоял в том, что сначала Настя с Алексеем и он с Дашей поедут к десяти утра в один загс, где Саша женится на своей невесте, а сестра и ее жених выступят в роли свидетелей, потом они сядут в машину и поедут в другой загс, где зарегистрируют свой брак Настя с Лешей, а они с Дашей будут свидетелями. После чего дружной толпой они двинутся в ресторан, где уже будут ждать четыре родительские пары, и скромно пообедают.

– Может, не стоит? – сомневалась Настя, которая вообще не собиралась делать из своего бракосочетания вселенский праздник. – Я не думаю, что наш с тобой общий отец будет чувствовать себя хорошо в присутствии двух жен, бывшей и нынешней.

– Ох, Ася, не выдумывай. Столько лет прошло, это уже никого не может взволновать. Наоборот, я уверен, что это – правильный ход. Ты так много сделала для нас с Дашкой, что я не могу не быть на твоей свадьбе и не хочу праздновать свою без тебя.

– Ну и не надо было подстраивать их в один день, – в сердцах сказала Настя. – Сам же создаешь трудности, а потом с героическим рвением все должны их преодолевать. Поженились бы с разницей в неделю, что страшного?

– А праздник? – возмущенно спросил брат. – Весь же смысл в том, чтобы в один день. Такая красивая история! И годовщины потом будем отмечать вместе. Ася, ты живешь совковыми представлениями, ты не понимаешь, какие праздники можно себе устраивать сейчас. Конечно, в этом году мы уже никуда не поедем после свадьбы, Дашке рожать через два месяца, а на будущий год мы можем отпраздновать нашу первую годовщину, например, в Мадриде. Вторую годовщину – в Вене. Третью – в Париже. Мы будем ездить вчетвером, мы сделаем из этого традицию, красивую традицию, которую будем беречь и поддерживать, а все будут удивляться, ахать и качать головами, потому что ни у кого не будет такого замечательного праздника – брат и сестра и их супруги отмечают свои одинаковые свадебные годовщины.

– Саша, соразмеряй, пожалуйста, свои намерения с моим материальным положением, – раздраженно отвечала ему Настя. – Я не поеду ни в Мадрид, ни в Вену, ни в Париж, у меня никогда не будет на это денег. Твои замашки миллионера меня из себя выводят.

– Иди ты к черту, – хохотал в ответ Александр Каменский, который был так ослеплен любовью, что никому не позволял омрачать им же самим созданный прекрасный мир. – Ты – моя сестра, и я буду возить тебя по всему миру за свои деньги.

Ему удалось настоять на своем, и завтра предстояло отпраздновать сразу две свадьбы. Подарок для Даши Настя купила давно, а вот покупку подарка для брата все откладывала на потом. В результате пришлось заняться этим сегодня вечером.

На Пушкинской площади она села в троллейбус и поехала на Арбат. Ей казалось, что именно там в киоске она видела роскошный офисный набор для делового человека. Медленно двигаясь от киоска к киоску и с трудом преодолевая искушение купить большую банку сырных шариков, Настя вдруг заметила машину, показавшуюся ей знакомой. Спустя секунду она вспомнила, чья это машина, но что-то неприятно резануло глаз. Она сосредоточилась и снова глянула через окно в салон. Там, на заднем сиденье, лежал плащ из ярко-алой лайки с черными вставками. Она хорошо помнила этот плащ, такие в Москве встречались редко.

Настя медленно обвела глазами улицу и увидела небольшое открытое кафе. Владелец автомашины и обладательница дорогого экстравагантного плаща сидели за столиком к ней спиной и о чем-то увлеченно беседовали. Собственно, теперь Насте не было до этого никакого дела, но все же, все же...

Она неторопливо подошла к прилавку, взяла чашку кофе и пирожное и села за соседний столик, стараясь выбрать место так, чтобы не бросаться парочке в глаза и в то же время хорошо слышать, о чем они говорят.

– ...очень жарко. Мои знакомые ездили туда в июле, говорят, что умереть можно с непривычки. Туда нужно ехать попозже, в сентябре, – доносился до нее чуть капризный голосок девушки.

– Но мы же ездили с тобой в прошлом году в июле, – возражал ее спутник. – По моему, было в самый раз. Ты даже не обгорела.

– Что ты сравниваешь! – презрительно фыркнула девушка. – Мы же были в Коста-Браве, там совсем другой климат. А в Турции в июле мы с ума сойдем.

– Мне говорили, что в Турции есть одно место, самое экологически чистое, так там очень хорошо даже в июле, – не сдавался молодой человек. – Сосны, песок, воздух свежий.

– Что за место? – недоверчиво спросила его подруга.

– Это... как его... Вот черт, забыл, как оно называется.

– Оно называется Кемер, – громко сказала Настя, не поворачивая головы в их сторону.

– Точно, Кемер! – обрадованно подхватил мужской голос.

– Между прочим, подслушивать неприлично, – с вызовом сказала девушка. – И вмешиваться в чужие разговоры – тоже.

Настя осторожно поставила чашку на столик и повернулась к ним. В первую секунду они ее не узнали. Потом парень резко побледнел, а у девушки, напротив, выступили на скулах красные пятна.

– Я бы на вашем месте не рассуждала о приличиях, – спокойно заметила Настя. – То, что вы сделали, подпадает под статью Уголовного кодекса о заведомо ложных показаниях.

– Вы не докажете! – вспыхнула девушка. – И вообще это неправда.

– Что – неправда? То, что вы в прошлом году ездили вместе отдыхать? То, что вы давно и хорошо знакомы?

– Ну и что? – продолжала упираться та. – Что такого, что мы знакомы?

– Да ничего, – вздохнула Настя. – Просто алиби вашего дружка выглядело очень убедительным именно потому, что вы, случайная прохожая, твердо его опознали как человека, который столкнулся с вами на улице как раз в то время, когда на другом конце города было совершено преступление. А коль вы на самом деле знакомы, то картинка получается совсем другая.

– Все равно, дело уже закрыто, – вмешался наконец молодой человек.

– Как закрыли, так и откроют, – пожала плечами Настя. – Делов-то.

Такого оборота парочка явно не ожидала. Видно, они считали, что если уголовное дело закрывают, то это уже навсегда. Наверное, никто им не объяснял, что дела о нераскрытых преступлениях не закрывают в течение многих лет. Их всего лишь приостанавливают, но в любой момент производство по делу может быть возобновлено.

Настя допила кофе и встала.

– В понедельник я сообщу следователю о нашей с вами трогательной встрече, а уж он пусть решает. Не исключено, что вам повезет, и он не сочтет мое сообщение достойным внимания. Но я вас все-таки предупреждаю.

Парочка молча проводила ее глазами. От разговора у Насти остался неприятный осадок. Она живо вспомнила избитую и изнасилованную девушку, которая на опознании держалась не очень уверенно, потому что из-за испуга и боли плохо запомнила лицо преступника. Зато эта маленькая сучка, ездившая каждый год отдыхать на модные курорты, твердо заявила, что видела этого молодого человека совсем в другом месте. Она его хорошо запомнила, потому что, видите ли, он принадлежит как раз к тому типу мужчин, который ей больше всего нравится. И ведь не солгала, мерзавка, он ей действительно нравится.

Купив наконец подарок брату, она зашла в будку телефона-автомата и позвонила следователю.

– Константин Михайлович, простите, что звоню домой, но завтра у меня будет суматошный день. А с понедельника я в отпуске.

– Ничего, ничего, говори.

– Я только что узнала, что у Артюхина было ложное алиби. Девушка, которая его опознала как человека, спрашивавшего у нее дорогу, на самом деле его давняя подруга.

– Ишь ты! – присвистнул Константин Михайлович. – Выходит, они нас изящно надули?

– Выходит, что так. Я их успокоила до понедельника.

– Ладно, Настасья, я понял. Завтра начну проверять, только ты мне скажи, что именно.

– Они в прошлом году вместе ездили отдыхать в Испанию, в Коста-Браво, в июле. Значит, они знакомы не меньше года.

– Вот дряни. Погоди-ка, – спохватился он, – у тебя же завтра свадьба. Или я путаю?

– Нет, не путаете.

– Так чего же ты...

– Но свадьба-то завтра, а не сегодня. Сегодня я еще работаю.

– Каменская, тебе никогда не говорили, что ты чокнутая?

– Регулярно говорят. Вы будете сто девятнадцатым.

– Слава богу, на свете, кроме меня, есть еще сто восемнадцать нормальных людей. А твой будущий муж тоже из их числа?

– Нет, – улыбнулась она, – он еще более сумасшедший, чем я. Когда приезжает ко мне на выходные, берет с собой свои бумаги и пытается что-то написать.

– Ну, два сапога – пара. Счастливо тебе. А Артюхина я уделаю, как бог черепаху. Ступай под венец и ни о чем не беспокойся.

* * *

Домой она вернулась в двенадцатом часу. Чистяков сидел на кухне и раскладывал пасьянс. Завтрашнее мероприятие его, как и Настю, ничуть не волновало. Может быть, оттого, что он слишком долго ждал этого и за долгие годы успел «перегореть».

– Лешик, ты сердишься? – робко спросила она, переступая порог. – Извини, солнышко, так много дел скопилось, я даже маму встречать не поехала. И еще подарок Саше купить надо было...

– А меня предупредить не надо было? – сердито откликнулся Чистяков. – Ночь на дворе, а тебя где-то носит. Есть будешь?

– Будешь. То есть буду, – поправилась она.

Глядя на уплетающую салат Настю, Леша смягчился. Жива-здоровая – и хорошо. Ее все равно не переделать. Да и не нужно, наверное.

* * *

Эля Бартош расстегнула замочек и сняла с шеи очередное украшение.

– Это тоже не годится, – со вздохом сказала она. – Оно слишком яркое и отвлекает внимание от платья. Что у нас еще есть?

– Успокойся, наконец, – раздраженно откликнулась Тамила. – Ты так готовишься, словно это единственное событие в твоей жизни и других уже не будет. Знаешь, что говорил в свое время твой дед профессор Берекашвили? Что в нашей жизни есть только одно событие, которое никогда не повторяется: защита кандидатской диссертации. Человек может написать и защитить хоть пять диссертаций, но только одна из них, самая первая, будет кандидатской, а все остальные – уже докторские, даже если они по совершенно разным специальностям. А замуж можно выходить десятки раз, пока ноги носят. Поэтому не стоит относиться к завтрашнему событию как к слишком серьезному и ответственному. Ну, подумаешь, сходите в загс, после этого поживете несколько месяцев, напьетесь вместе, утолите юношеский голод, потом тебе это надоест до смерти и ты побежишь разводиться.

Эля опустила голову и тяжело села на стул, не обращая внимания на то, что мнет роскошное свадебное платье. По ее щекам тихонько заструились слезы, она шмыгнула носом и отерла лицо ладонью.

– Ну, начинается, – сухо сказала Тамила, аккуратно складывая в коробочки разбросанные по столу дорогие украшения. – Ты такая нервная, моя дорогая, что тебе уже и слова сказать нельзя. Держи себя в руках, иначе людям трудно будет с тобой общаться. Шутки ты не понимаешь, чуть что – обижаешься, начинаешь плакать. И что у тебя за характер такой отвратительный!

При последних словах матери Эля сорвалась с места и убежала в свою комнату. Мать никогда не скрывала своего недовольства тем, какого жениха выбрала себе ее девочка. Она, дочь гордого и независимого грузинского ученого и известной писательницы из рода дворян Берсеновых, в свое время вышла замуж за венгра Иштвана Бартоша, сына аккредитованного в Москве дипломата. Зарубежные деловые связи по линии семьи мужа в сочетании с фамильными драгоценностями рода Берсеновых позволили Тамиле Бартош вести достаточно приятный и необременительный образ жизни, блистая на приемах и деловых обедах, сопровождая мужа в поездках сначала якобы к живущим за границей родственникам, а потом – по вполне легальным делам бизнеса. Яркая, раскованная, с породистым горбоносим лицом и густыми иссиня-черными кудрями, высокой грудью и пышными бедрами, Тамила постоянно была в центре внимания и в свои сорок пять не имела недостатка в поклонниках. О том, что значительная часть последних была привлечена отнюдь не ее достоинствами, а исключительно связями и богатством Иштвана, она и не думала. Выросшая в семье элитарной интеллигенции, свободно владеющая немецким и венгерским языками, с детства привыкшая к достатку, любви и всеобщему вниманию, она и по сей день воспринимала свою привлекательность как нечто само собой разумеющееся, что существовало всегда и исчезнет только вместе с ней.

Разумеется, будущий зять представлялся ей вполне определенным образом. И уж никак не в облике добросовестного очкарика-аспиранта, живущего вдвоем с матерью. Ни кола ни двора, ни блестящего будущего. Конечно, Пишта (Тамила, подчеркивая происхождение мужа, даже домашнее уменьшительное имя употребляла по правилам венгерского языка), так вот, Пишта мог бы сделать мальчику хорошую карьеру, взять его в дело, а потом, быть может, и в компаньоны. Но стоит ли? Аспирант отнюдь не выглядел золотым самородком, на обработку которого имело смысл тратить время и деньги. Обыкновенный дурачок, ни деловой хватки в нем нет, ни склонности к финансовой

деятельности, ни ловкости и энергичности. Приглядевшись к нему повнимательнее, Тамила решила, что все дело в его невероятной сексуальности, против которой, конечно, не может устоять ее глупенькая молоденькая дочка. Парень был настолько сексуален, что это ощущала даже выдавшая виды Тамила. Когда включены столь мощные природные механизмы, любое препятствие только усиливает взаимную тягу, мудро рассудила мать, поэтому пытаться отговорить дочь и отменить свадьбу бессмысленно, этим можно только навредить. Ничего, пусть поженятся, цинично думала Тамила, натрахаются до обморока и отвращения, а потом можно будет потихонечку их развести. Надо только с самого начала выбить из дочкиной головы эту дурь о том, что муж дается небесами раз и навсегда, в нищете и богатстве, в горе и в радости, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит... Ну, и все в таком духе. Пусть Елена уже сейчас, накануне свадьбы, понимает, что событие завтра ей предстоит вполне рядовое, а не исключительное, и таких событий в ее жизни будет еще, бог даст, немало.

Эля вышла из своей комнаты с красными глазами и опухшим лицом. Сейчас на ней было уже не белое роскошное платье, а изумрудно-зеленые переливающиеся лосины и длинный, почти до колен, блузон с серыми и зелеными цветами. Черные густые волосы подняты высоко на затылок и скреплены заколкой, открывая трогательно тонкую, хрупкую шейку, крупные красиво очерченные губы накрашены темной помадой.

– Я пойду к Кате, – с вызовом сообщила она матери, ожидая очередного всплеска ссоры. Уже восемь вечера, надо бы лечь пораньше, чтобы завтра хорошо выглядеть, ведь вставать придется очень рано: к семи часам уже приедет Наташа делать прическу, к восьми прибудет Галя с принадлежностями для макияжа, потом явится маникюрша, а в половине десятого уже надо будет садиться в машину и ехать на регистрацию. Загс открывается в десять, и Тамила настояла на том, чтобы им назначили время сразу после открытия. Ее дочь должна быть первой, а не стоять в очереди вместе со всеми.

– Иди, – равнодушно пожала плечами мать. – Опять ляжешь поздно и завтра будешь выглядеть как маринованная селедка. Мне-то что, ты замуж выходишь, твоя свадьба, а не моя.

Эля молниеносно вылетела из квартиры, хлопнув дверью, чтобы снова не расплакаться. Иногда она люто ненавидела свою мать. И в последние месяцы это «иногда» возникало столь часто, что его с полным правом можно было

начать переименовывать в «почти всегда».

Ее задушевная подружка Катя жила в соседнем подъезде. Когда-то девочки учились в одном классе, потом вместе поступали в институт, Катя – с блеском, Эля – с «парой» на втором же экзамене. Теперь Катя училась уже на третьем курсе, а Эля по-прежнему валяла дурака, регулярно ездила за границу то вместе с родителями, то с туристическими группами и делала вид, что изучает историю киноискусства. Тамила, в своей жизни ни одного дня не проработавшая, считала образ жизни дочери вполне нормальным, надо только найти ей подходящего мужа, который сможет поддерживать такое существование на должном уровне.

Катя страшно удивилась, увидев подругу:

– Эля? Что-нибудь случилось?

– Ничего. Зашла потрепаться.

– Накануне свадьбы? – недоверчиво переспросила Катя. – Тебе больше заняться нечем?

– Если я тебе мешаю, я уйду, – вспыхнула Эля. – Я что, не вовремя?

– Да ну что ты, проходи, – успокоила ее Катя. – Просто я очень удивилась. Обычно невесты накануне свадьбы заняты всякими делами, хлопотами, машины, гости, продукты и все такое. А потом до поздней ночи сидят с женихом в темном уголке и мечтают, как завтра в это же время будут делать все то же самое, только уже на законном основании.

– Я не знаю, как обычно ведут себя невесты, – зло сказала Эля. – Ты – моя единственная подруга, а ты замуж пока не выходила.

– Ну, у нас на курсе за три года почти половина девчонок замуж повыскакивала, – засмеялась подруга, – поэтому я на невест насмотрелась. Чай будешь пить?

– Я бы съела что-нибудь, – смущенно призналась невеста.

Катя внимательно посмотрела на девушку.

– Елена, кончай темнить. Ты же только что из дома, у тебя макияж свежий и на ногах домашние шлепанцы вместо туфель.

– И что?

– Так почему ты голодная? Тебя мать что, не кормит? Или ты опять с ней погавкалась и трусливо сбежала, забыв переобуться?

У Эли задрожали губы, и через секунду она уже снова рыдала на плече у подруги.

– Почему мама его так не любит? Что он ей сделал плохого?

– Эленька, милая, а почему она должна его любить, скажи на милость? Это ты должна любить своего Валеру, вот ты его и любишь. И не требуй от мамы, чтобы ее вкусы совпадали с твоими.

Катя гладила плачущую девушку по голове и с грустью думала о том, что ее доводы, пожалуй, сложноваты для славной, доброй, но ограниченной Элены. С неутихающей болью она снова и снова задавала себе вопрос: что нашел в этой глуповатой девчужке блестящий будущий ученый Валерий Турбин? Он был аспирантом кафедры философии, и Катя познакомилась с ним, когда он пришел в их группу на целый семестр вести семинарские занятия. Турбин сразу выделил способную незаурядную студентку из общей массы третьекурсников, с ней одной он мог разговаривать на том языке, на котором привык общаться с профессорами и доцентами. Взаимный интерес вскоре подкрепился взаимной симпатией, плавно перешедшей во влечение, и кто знает, как бы все обернулось, если бы бездельница Эля не решила потащиться вместе с подругой в институт, чтобы оказать ей моральную поддержку, пока та будет сдавать экзамен по социальной психологии. Катя в аудитории сражалась с вопросами билета в обществе преподавателя, а Елена в коридоре, прислонившись к подоконнику, переживала за нее в обществе молодого аспиранта, который случайно проходил мимо. Вышедшей после экзамена Кате хватило одного взгляда, чтобы понять, что произошло. Но Эля и Турбин списали ее внезапную бледность на перенапряжение и волнение, вызванные экзаменом.

Катя смирилась сразу, по характеру она не была бойцом и не стала поэтому воевать с Элей за место возле Турбина. Рана до сих пор не зажила, но ведь Катя не случайно выбрала для себя институт, где изучала философию, социологию и психологию. Она занималась тем, в чем хорошо разбиралась, что было ей близко, понятно и интересно. И ей удалось развести в своей душе в разные стороны любовь к Валерию Турбину и свою дружбу с соседкой и одноклассницей Элей Бартош. В глубине души она даже немного жалела подругу: ни друзей, ни дела, которое бы ее занимало, ни интересов. При такой жизни романтическая история действительно становится центром существования, помыслов, чувств, и все, что ей угрожает, воспринимается как катастрофа или, по крайней мере, как трагедия. «В моей жизни, – думала Катя, – бог даст, еще будут другие интересные и умные мужчины, а Элька где их найдет? Она же нигде не бывает, ни с кем не общается, ездит по заграницам, но в этих тургруппах в основном женщины собираются, а если мужчины и попадают, то обязательно или с женой, или с ребенком. Одиноким богачи в турпоездки не ездят. Знакомиться на улице Эля тоже не может, ей с детства строго-настрого внушили, что делать этого нельзя. Конечно, Элька плевать хотела на родительские запреты, но она ведь и сама прекрасно понимает: при том положении, которое занимает ее отец, никто в семье не имеет права рисковать, заводя случайные знакомства. Эдак собственного убийцу или грабителя в дом приведешь...»

Эля наконец успокоилась, и девушки прощепетали почти до одиннадцати часов. Возвращаясь домой, Эля вытащила из почтового ящика газеты и маленький белый конверт. Конверт был не подписан, и она несколько секунд задумчиво крутила его в руках, размышляя, надо ли его вскрыть самой или отдать родителям. Любопытство победило, она надорвала край и вытащила сложенный в четыре раза листочек бумаги. На нем крупными печатными буквами было написано: «Не делай этого. Пожалеешь».

Глава 2

Настя только-только успела встать под душ, как в квартире раздался звонок. Леша открыл дверь, и на него вихрем налетела Даша с сияющими глазами. Она была на восьмом месяце беременности, поэтому вместо свадебного платья на ней был надет легкий шелковый костюм кремового цвета, состоящий из свободных широких брюк и длинной блузки на кокетке с мягкими красиво спадающими складками. Беременность не испортила ее лица, обрамленного

густыми медово-пшеничными волосами; огромные синие глаза смотрели ласково и приветливо, и в умело сшитом костюме она выглядела скорее не как будущая мать, а как очаровательная толстушка.

– Так я и знала, вы еще дрыхнете! Ну ладно, Анастасия известная соня и лентяйка, но ты-то!

– А что я? – удивился Чистяков. – Нам же к десяти в загс, а сейчас еще только восемь.

– А одеваться? А краситься? А цветы покупать? Через час за нами заедет Александр, а у вас с Настей еще конь не валялся.

– Да ладно тебе, – успокаивал Леша будущую родственницу, – успеем. Не волнуйся, тебе вредно.

– Где невеста? – строго спросила Даша.

– Под душем стоит, просыпается.

– Костюм приготовила?

– Я не знаю, – растерялся Чистяков. – Я не спрашивал.

– Так я и знала! Небось даже не удосужилась проверить, все ли пуговицы на месте и не нужно ли его гладить. Иди займись завтраком, а я посмотрю костюм.

Чистяков покорно поплелся на кухню варить кофе, а из комнаты до него то и дело доносились вздохи и причитания Даши.

– Господи, да куда же она засунула ту блузку, которую я ей велела надеть? Она же была где-то здесь... Конечно, юбку надо гладить... Нет, это не невеста, это недоразумение какое-то... Хоть утюг-то есть в этом доме?

Вышедшая из ванной Настя так и застыла, будто окаменела, увидев результаты бурной Дашиной деятельности. Вся одежда из ее шкафа была разбросана на диване и креслах, а посреди комнаты на коленях стояла Даша и, разложив на

полу тонкое байковое одеяло, гладила Настину черную юбку.

– Чего ты стоишь, как изваяние? – спросила Даша, не оборачиваясь. – Иди быстро пей кофе и начинай заниматься лицом.

– Может, не надо? – осторожно сказала Настя, которая терпеть не могла краситься, хотя и признавала, что с умело наложенным макияжем становится куда привлекательнее.

– Еще чего! Как это «не надо»? Анастасия, не торгуйся, мы с тобой уже давно обо всем договорились. Я согласилась, что ты не будешь покупать к свадьбе специальное платье, наденешь то, что есть, но уж лицо будь любезна привести в порядок.

Она повернула голову и увидела сестру своего жениха, стоящую босиком и закутанную в длинное махровое полотенце.

– Ну Настя же! – нетерпеливо воскликнула Даша, с остервенением водя утюгом по юбке. – Не выводи меня из себя, шевелись. Мы же опоздаем!

Когда ровно в девять в дверь позвонил Александр Каменский, Настя уже выпила две чашки кофе и в выглаженном костюме стояла перед зеркалом в ванной, нанося на лицо макияж.

– Ася! – крикнул брат из прихожей. – Тебе письмо.

– Какое?

– Не знаю. В дверях торчал конверт. Без надписи.

Настя положила кисточку и вышла навстречу брату. Они расцеловались, оглядывая друг друга насмешливо, но придирчиво.

– Ну как? – спросила Настя. – Гожусь?

– Вполне. А я?

Высокий, худой, некрасивый, Саша сегодня выглядел суперменом из голливудского фильма. То ли костюм его был сшит у по-настоящему хорошего портного, то ли выражение лица изменилось, но весь его облик, казалось, кричал: «Я удачлив, и я могу все. У меня получается все, как я хочу, и никто не может мне помешать».

– Чертовски хорош, – улыбнулась Настя. – Давай письмо.

Она взяла протянутый белый конверт и нетерпеливо вскрыла. На сложенном в четыре раза листочке бумаги печатными буквами было написано: «Не делай этого. Пожалеешь».

Она не сумела справиться с собой, резко побледнела, руки задрожали.

– Что? – озабоченно спросил Александр. – Что-нибудь плохое?

– Не обращай внимания. Ерунда всякая, – ответила она, стараясь не выдать испуга и волнения.

– Ася!

– Сашенька, не бери в голову. Все в порядке. К нашей общей свадьбе это никакого отношения не имеет. Пойди, пожалуйста, на кухню и на пять минут отвлеки Дашу и Лешку, чтобы они не входили в комнату. Мне нужно позвонить.

Она закрыла дверь, схватила телефонный аппарат и набрала номер следователя Ольшанского.

– Константин Михайлович, – торопливо заговорила она, – Артюхин, видно, здорово испугался. Мне в дверь сунули письмо угрожающего содержания. Чтобы я не сообщала следователю, то есть вам, о нашей с ним вчерашней встрече, а то, дескать, пожалеею.

– За письмо хваталась?

– Только ногтями и за самый краешек. Я ученая, как собака Павлова. За такие письма никогда пальцами не хватаюсь, это уже на уровне рефлекса.

– Ты где сейчас?

– Пока дома. Через десять минут уезжаю.

– В какую сторону?

– Сначала в Сокольники к десяти часам, а потом, к двенадцати, возвращаюсь в район Измайлова, потом к двум часам едем в центр, в «Метрополь».

– Я подскочу в Сокольники к десяти, отдашь мне письмо. И не дергайся, слышишь, Каменская? Если ты действительно убедила его, что до понедельника ничего предпринимать не будешь, то до понедельника он тебя и не тронет. А за два дня я его достану, он даже пискнуть не успеет. Ну Артюхин, ну сволочь!

Поговорив со следователем, Настя кинулась в ванную заканчивать макияж. Из кухни до нее доносились оживленные голоса брата и его невесты, которые живо обсуждали, какие цветы больше всего подойдут Насте как свидетельнице и Насте как невесте, какие цветы нужно будет купить для ресторана и уместно ли будет Саше преподнести подарок Настиной матери – первой жене своего отца. Леша участия в обсуждении не принимал, во всяком случае, его голоса Настя не слышала.

Она уже наносила широкой мягкой кисточкой последние штрихи, накладывая на скулы какие-то невидимые румяна, которые должны были подчеркнуть овал лица, когда из кухни вышел брат.

– Ну как? Все в порядке?

– Более или менее, – ответила она, не отрывая взгляд от зеркала. – В Сокольниках возле загса будет стоять голубой «Москвич», постарайся встать около него, хорошо?

– Хорошо. А что это за машина?

– Это машина следователя из городской прокуратуры. Я отдам ему письмо, пусть эксперты поработают, пока я буду бракосочетаться.

Саша встал у нее за спиной, чтобы видеть лицо сестры хотя бы в зеркале и поймать ее взгляд.

– Ася, я задам вопрос, может быть, бестактный, но дай слово, что не будешь врать мне. Или ответишь честно, или вообще не отвечай.

– Ну, даю, – невнятно промычала она, проводя по губам темно-телесной помадой.

– Ты жалеешь, что выходишь замуж? Вот сейчас, в эту самую минуту, ты жалеешь, что тебе нужно ехать в загс, вместо того чтобы самой отвезти это чертово письмо экспертам и сидеть у них над душой, пока не будет результата. Правда? А потом, получив ответ экспертизы, ты бы помчалась еще куда-нибудь и занялась бы поисками того, кто тебе угрожает. И тебе это гораздо интереснее, чем выходить замуж. Я прав?

Настя медленно завинтила столбик помады обратно в золотистый патрон и, не поворачиваясь, стала пристально всматриваться в зеркальное отражение Сашино лица. Глаза у него были такие же, как у нее, ну в точности такие же: очень светлые, прозрачные, почти бесцветные. Белесые брови и ресницы, тонкий прямой нос, четко очерченные твердые губы, сильно запавшие щеки под высокими крутыми скулами. Брат и сестра были поразительно похожи, оба худые и высокие, только если Настя была просто невзрачной, то Саша – откровенно некрасивым.

– А почему ты решил, что мне кто-то угрожает? – спросила она медленно.

– Потому что буквы в письме крупные. Пока ты его читала, я тоже успел. Так ты ответишь на мой вопрос?

– Нет. Считаю, что я уклонилась от ответа.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что врать не стала.

Он повернул Настю к себе и ласково прижал ее голову к своему плечу. Несмотря на то что Настя была на семь лет старше, Саша ухитрялся вести себя с ней так, словно она была его младшей сестренкой, которую надо опекать и о которой надо заботиться.

– Я тебя люблю, Настюша, – тихонько произнес он, касаясь губами ее платиновых волос. – Спасибо тебе за все. Если бы не ты, я бы никогда не был так счастлив, как сейчас. Я бы ничего не понял в Дашке и, наверное, бросил бы ее, как бросал до нее других женщин. Я бы никогда не набрался смелости развестись. Или, что еще хуже, Дашка могла бы погибнуть. Ты ее спасла. Спасибо тебе.

Настя мягко отстранилась и погладила брата по щеке.

– Сашенька, сейчас не время для серьезных разговоров. В конце концов, у нас сегодня праздник, и долой трагизм, гони его прочь из своего голоса и из своих речей. Пойдем, пора ехать, Дарья, наверное, нервничает.

Но Александр не тронулся с места, задумчиво глядя на Настино отражение в зеркале.

– Саша, ты что? В какие мысли углубился?

– Ася, у тебя возникли какие-то сложности. Я не настаиваю, чтобы ты непременно мне все рассказала, но я хочу, чтобы ты знала: ты можешь на меня рассчитывать, что бы ни случилось. Я окажу тебе любую помощь, какую только смогу. И в моей безусловной преданности тебе ты можешь быть абсолютно уверена. Договорились?

– Спасибо, Санечка. Я тронута. Честное слово. А теперь – все, пора ехать.

По залитым солнцем улицам они поехали в Сокольники, в загс, где Александру Каменскому и Дарье Сундиевой предстояло зарегистрировать свой брак. Саша с Настей ехали впереди на его машине, а Леша, пристроившись им в хвост, вез Дашу. Настя сначала пыталась возражать против такого распределения, но Даша авторитетно заявила, что жених с невестой не должны ехать на свадьбу вместе. По пути они несколько раз останавливались возле рынков и станций метро, и Даша придирчиво выбирала цветы для себя и для Насти. Наконец без десяти десять они подъехали к загсу. Голубой «Москвич» Ольшанского уже

стоял у входа, выглядя казанской сиротой рядом с двумя новенькими «Саабами», «Мерседесом» и «Ауди».

Сам Константин Михайлович неподвижно сидел в машине, словно бы и не видел, как из подъехавшего автомобиля вышла Настя. Только когда она потянулась к ручке, чтобы открыть дверь его машины, он вздрогнул и повернулся к ней:

– Господи, Каменская, я тебя не узнал! Это ты или нет?

– Конечно, нет, – засмеялась Настя. – Я сейчас сижу на работе, на Петровке. Вы обознались.

Она протянула ему полиэтиленовый пакет, в который было аккуратно завернуто письмо в конверте. В ответ следователь протянул ей темно-бордовую розу на длинном, почти в метр, толстом стебле.

– Это тебе. Голландская. Не пахнет, зато стоять будет долго.

– Спасибо вам, Константин Михайлович.

– И тебе спасибо. Я вашего Олега Зубова поймал, уговорил взять письмо. Так что сейчас еду прямо к нему. Если интересно, позвони вечером, скажу результаты.

Он выглянул в окно и усмехнулся:

– А это что за беременная принцесса? Твоя свидетельница?

– Нет, это невеста моего брата. Мы сейчас их здесь регистрируем, потом поедем нас с Лешкой женить.

– Ну вы даете, ребята! А Лешка твой – который из двоих?

– Рыжий.

– А блондин, выходит, брат?

– Брат. Сводный, единокровный, младший, любимый.

– Ну ты гляди, а смотрится прямо как родной, твоя копия. Видать, у вашего общего папеньки гены сильные, все перешибают. Ладно, Каменская, желаю тебе... Ну, сама знаешь чего. Я на слова не мастер, а то, что отношусь к тебе хорошо, уважаю, ценю и даже некоторым образом люблю, ты и сама знаешь. Удачи тебе.

– И вам. Я позвоню вечером, – сказала Настя, вылезая из машины.

Похоже, Александр провел с заведующей загсом мощную подготовительную работу, потому что ждать им не пришлось. Сотрудница, встретившая их у входа, любезно улыбаясь, взяла у них паспорта и предложила невесте и свидетельнице пройти в комнату для невест привести себя в порядок.

– Буквально через три минуты вас пригласят на регистрацию. Если вы желаете после регистрации выпить шампанского, его можно заранее поставить в холодильник.

– А кофе у вас тут нигде нельзя выпить? – вырвалось у Насти.

Эти слова услышала проходящая мимо дородная дама в красивых дорогих очках и с ухоженными волосами.

– Простите, вы – свидетельница Александра Павловича? – обратилась она к Насте.

– Нет, я свидетельница его невесты. А в чем дело?

– Александр Павлович предупредил, что вместе с ним приедет его сестра, которая тоже сегодня выходит замуж. Это вы?

– Да.

– Я так и подумала, – удовлетворенно улыбнулась дама. – Прошу вас и невесту пройти ко мне в кабинет.

Даша, испуганно глядя то на Настю, то на дородную даму, семенила рядом. Почему-то ни Саши, ни Чистякова не было видно, и Насте стало как-то не по себе.

Дама привела их в огромный кабинет, где вокруг большого низкого стола стояли пять кресел, а на самом столе красовалась ваза с розами, открытая коробка шоколадных конфет и бутылка шампанского в ведерке со льдом.

– Прошу вас, проходите, – гостеприимно улыбнулась дама. – Я заведующая, зовут меня Дина Борисовна. Александр Павлович и Алексей Михайлович сейчас подойдут, и вы все вместе выйдете в зал, где будет проходить регистрация брака. Вас зовут Анастасия Павловна, если не ошибаюсь?

Настя молча кивнула, настороженно ожидая продолжения. Дина Борисовна тем временем щелкнула каким-то невидимым рычажком, раздалось бульканье, и через мгновение перед Настей стояла чашка с дымящимся кофе.

– Александр Павлович предупредил, что его сестра скорее всего попросит кофе, – улыбнулась заведующая, – поэтому кофейник я держала в боевой готовности. После регистрации вы вернетесь в этот кабинет и чисто символически отпразднуете вступление в брак. Конфеты, шампанское, бокалы – все к вашим услугам.

«Ничего себе! – подумала Настя. – Сколько же денег Сашка вгрохал в эту заведующую, что она так стелется перед ним и перед нами? Даже имена выучила, и мое, и Лешкино, не поленилась. Но Санька-то, Санька-то каков! Даже про кофе для меня позаботился. Теперь я, кажется, начинаю понимать, что он вкладывает в слова «устраивать праздники». Это значит: делать так, чтобы людям даже в самой малой малости не было неудобно или некомфортно».

Она едва успела допить крепкий ароматный кофе, как появились Саша и Алексей. В ту же секунду запахнулась другая дверь, ведущая из кабинета заведующей в зал для церемоний.

– Александр Павлович, просим вас с невестой и ваших свидетелей на регистрацию.

Даша вдруг растерялась и никак не могла правильно взять свои цветы. Шипы так и норовили зацепиться за тонкий шелк блузки, крупные полураспустившиеся бутоны то закрывали лицо, то чуть не волочились по полу. От досады и волнения у Даши слезы выступили на глазах. Помогла ей Дина Борисовна, тут же подлетевшая к Даше и забравшая у нее букет.

– Давайте-ка его сюда, – сказала она. – Так, теперь поправьте блузочку, волосы, встаньте, как вам удобно. Теперь согните руки так, чтобы они были в естественном положении, чтобы не затекали. Вот, хорошо. Я кладу вам в руки букет, и видите, как славно все получилось. Ничего нигде не цепляется и никуда не падает.

Они торжественно вошли в распахнутую дверь под звуки стоящего в углу струнного квартета. Церемония началась. Настя напряженно всматривалась в находящихся в зале людей, вслушивалась в произносимые слова, следила за временем, то и дело поглядывая на часы. Процедура ей не нравилась. Она представила себе, как будет точно так же стоять с глупым видом посреди большой комнаты, держа в руках неудобный колючий букет роз, а какая-то чужая тетка будет долдонить о том, какой ответственный шаг они с Чистяковым совершают и что отныне... взаимная любовь... ответственность... забота... и прочая, и прочая. Потом медленно, чтобы фотограф успел сделать снимки, надо будет обмениваться кольцами, целоваться, подходить к столу и расписываться в огромной книге. Она поежилась. Если бы она знала, что процесс регистрации брака так мучителен, она бы еще подумала, выходить ли ей замуж. В конце концов, жили же они с Лешкой пятнадцать лет без всякой регистрации, и ничего.

– Объявляю вас мужем и женой... Молодые, обменяйтесь кольцами... Жених, поздравьте невесту... Пройдите, пожалуйста, сюда и поставьте свои подписи... Свидетели, пожалуйста, поставьте ваши подписи...

Наконец все закончилось. Настя поцеловала Дашу и положила ей на руки очередные розы. Потом свою порцию колючего богатства добавил Чистяков. Маленькая Даша совсем скрылась под ворохом цветов, и Алексей, сжавшись над ней, забрал из ее рук все букеты. Они снова оказались в кабинете Дины Борисовны, и Настя с явным облегчением опустилась в кресло.

– Ну как, Александр Павлович, все в порядке? – заботливо спросила заведующая. – Все как вы хотели?

– Благодарю вас, Дина Борисовна, все было на уровне. Присаживайтесь, поднимите с нами бокал, – пригласил он.

Они выпили шампанское, Саша и Алексей – чисто символически, по полглоточка, потому что были за рулем, Даша тоже только губами коснулась золотистой пенящейся жидкости, ибо делала все, чтобы родить здорового ребенка. Настя же, к собственному удивлению, с огромным удовольствием осушила бокал и попросила налить второй. Шампанское было изумительным. «А может быть, подумала она, дело не в шампанском, а в том, что я, как это ни странно, нервничаю. Интересно, из-за чего? Из-за того, что выхожу замуж? Или из-за письма?»

* * *

Из Сокольников в Измайлово они ехали в том же порядке – Саша с Настей, а Чистяков с Дашей.

– Саня, как ты думаешь, можно договориться в загсе, чтобы нас зарегистрировали без всех этих церемоний?

– Не знаю. А почему ты не хочешь? Тебе не понравилось?

– Если честно, то нет. Не люблю я этого всего. Стоишь посреди комнаты, как корова, и слушаешь какой-то бред... У меня затылок сводить начало, пока вас венчали. Второй раз, да еще в главной роли, я этого не вынесу.

– Хорошо, я попробую договориться, – кивнул Саша.

В загсе они сразу разделились. Настя с Дашей уселись в большом красивом холле, а мужчины отправились договариваться об упрощенной процедуре. Леша активно поддержал Настину идею о том, чтобы попытаться избежать торжественной церемонии, и брату ничего не оставалось, кроме как смириться с причудами сестры.

– Я выйду на улицу, – сказала Настя, когда минут через десять ей надоело торчать в холле у всех на виду.

– Зачем?

– Покурю.

– Я с тобой пойду, – стала подниматься Даша, но Настя коротким жестом усадила ее на место.

– Сиди здесь, никуда не уходи, а то мужчины нас потеряют.

Она вышла на крыльцо и встала в сторонке возле урны. После двух бокалов шампанского это была первая сигарета, и Настя почувствовала, как ее немного «повело», голова закружилась, ноги стали ватными. Но через несколько секунд это прошло, и она стала с любопытством разглядывать выходящих из загса и подъезжающих к нему людей. Из канареечно-желтых «Жигулей» вылез молодой парень, с ног до головы увешанный фотоаппаратурой.

– Вам фотограф не нужен? – спросил он у Насти, проходя мимо.

– Нет, спасибо, – улыбнулась она.

Парень не задерживаясь прошел через стеклянные двери в холл. Настя увидела, как он подошел к Даше, и отметила про себя, что вблизи он выглядит немного старше, чем издали. Даша тоже отрицательно покачала головой, и фотограф быстро пошел дальше.

Она вернулась в холл, где Даша уже изнывала от нетерпения.

– Ну куда они подевались?

– А ты что, торопишься? – философски спросила Настя. – Сидим, никто нас не гонит, над нами не капает, тепло, сухо. Что еще надо?

– Разве тебе не хочется побыстрее стать женой? – удивилась Даша.

– Да мне как-то безразлично, – призналась Настя. – Я и так пятнадцать лет все равно что жена. Так что после регистрации ничего не изменится.

– Но вы же будете вместе жить.

– С чего ты взяла? Лешка будет жить у себя в Жуковском, ему до работы пять минут пешком. Он и раньше приезжал ко мне в основном на выходные, иногда, правда, и на неделе навещался, но редко. И дальше будет точно так же.

– Ну все равно, – упрямилась Даша, которая ни за что не хотела уступить и сдаться, признав, что вступление в законный брак – далеко не самая важная вещь в жизни и далеко не самая ценная.

Откуда-то из-за угла вдруг возникли Александр и Леша.

– Все в порядке, девочки, я обо всем договорился, только придется немного подождать, примерно полчаса. Перед нами еще две пары, на каждую по пятнадцать минут, а потом нас пригласят, вручат паспорта со штампами и свидетельство о браке, мы распишемся в амбарной книге – и все. Обещают в две минуты уложиться.

– А кольцами обменяться? – возмутилась Даша.

– В ресторане обменяемся, – утешила ее Настя. – Или прямо здесь, в холле.

– Да ты что! Ну Настя, ну я не знаю...

У Даши от огорчения даже слезы выступили. Ей было только двадцать лет, Саша Каменский был ее первой страстной любовью, она носила в себе его ребенка и вступление в брак с ним считала событием первостепенной важности в своей жизни. И никак она не могла понять, почему Настя и Алексей относятся к своей свадьбе так спокойно, даже прохладно.

Они сидели в холле и терпеливо ждали, пока в торжественной обстановке зарегистрируют две пары. Настя еще раз вышла на крылечко покурить. На этот раз возле урны стоял тот парень-фотограф, который предлагал ей свои услуги.

– Не надумали? – с улыбкой спросил он. – У меня цены умеренные, а качество я гарантирую.

– Нет, спасибо, – снова отказалась она.

– Но почему? – удивился тот. – Такая женщина, как вы, должна любить фотографироваться.

– С чего вы взяли?

– Вы очень фотогеничны. Вас как ни поверни, какой ракурс ни выбери, вы получите красавицей. Вы не фотомодел?

– Нет. И не надо мне грубо льстить, меня это настораживает и раздражает.

– Я что-то не понял...

– Вы говорите мне комплименты, которые даже отдаленно не приближаются к действительности, чтобы я решилась воспользоваться вашими услугами фотографа. Вы прекрасно видите, что я не красавица и никогда, ни при каких условиях не смогу ею быть. Но вы надеетесь, что я попадусь на вашу лесть и захочу попробовать пофотографироваться у человека, который, может быть, видит меня красивой и сумеет сделать такой же на снимках.

Фотограф задумчиво посмотрел на Настю и сочувственно покачал головой:

– У-у-у, как вас подкосило. Ну надо же! Такая красавица – и такие комплексы. Это у вас с детства?

Настя почувствовала, как щеки заливаются краской. Она спокойно относилась к собственной невзрачности, никаких комплексов по этому поводу у нее не было, но она терпеть не могла, когда посторонние люди начинали обсуждать ее внешность.

– Вот что, – продолжил фотограф, весело глядя на Настю рыже-зелеными глазами. – Я сейчас сниму вас «Полароидом», через две минуты снимок будет готов, и вы сами убедитесь. Сделаю бесплатно, не волнуйтесь. Я вам покажу мастер-класс.

– Что вы мне покажете? – переспросила Настя, которая уже успела оправиться от смущения.

– Покажу, что я вас не обманываю. Я не буду выбирать самый выгодный ракурс, я сниму вас внезапно и без подготовки, и если снимок получится неудачным – я проиграл.

– Ладно, давайте, – вяло согласилась она. Все равно она успела выкурить только половину сигареты.

– Значит, так. Я готовлю камеру и отворачиваюсь. Вы принимаете любую позу на ваш вкус и считаете вслух. На счет «три» я поворачиваюсь и делаю снимок. Идет?

– Ладно, – безразлично повторила она.

Парень отвернулся, а Настя продолжала задумчиво курить, погрузившись в мысли об Артюхине, ложное алиби которого треснуло по всем швам и который прислал ей сегодня, в день свадьбы, такое мерзкое угрожающее письмо. Когда сигарета догорела почти до фильтра, она спохватилась и быстро произнесла:

– Один-два-три.

Фотограф резко повернулся, на мгновение замер, потом раздался щелчок и по глазам резанула яркая вспышка.

– Вы долго готовились, – заметил он, взясь с камерой.

– Честно признаться, я про вас забыла, – холодно ответила Настя.

– Чем же вы занимались столько времени?

– О своем думала.

– Вы – свидетельница на свадьбе у подружки?

– Нет, я невеста.

– Да не может быть!

– Отчего же?

– В черной юбке и в черной блузке? Невеста, которая выходит покурить на крылечко и болтает с незнакомым мужчиной, вместо того чтобы умирать от восторга и волнения, держа за руку жениха? Да никогда не поверю.

– Ну и не верьте. Так что там со снимком?

– Еще минутку потерпите, сейчас он проявится. Вы, наверное, не в первый раз замуж выходите? Если так, то понятно ваше спокойствие. Процедура знакомая, и ее последствия, увы, тоже. Верно? – заразительно рассмеялся фотограф.

Настя не выдержала и улыбнулась.

– Ну вот, готово. Так кто из нас был прав?

Настя ошеломленно смотрела на снимок и не верила своим глазам. Неужели это она? Эта изящная молодая женщина в короткой юбке, открывающей великолепной формы длинные ноги, в черной блузке, подчеркивающей белизну кожи, и в элегантном длинном белом пиджаке – это она? С фотографии на нее смотрело классически правильное холодное лицо с высокими скулами, красивым ртом и задумчивыми глазами. Только глядя на снимок, она наконец вспомнила, что потратила сегодня полчаса на макияж, благодаря которому и выглядит вполне пристойно. Она настолько привыкла к своей невзрачной внешности, что чувствовала себя серой мышкой даже тогда, когда на самом деле выглядела чуть ли не звездой экрана.

– Признаюсь, я проиграла. Что с меня причитается в виде штрафа?

– Ровным счетом ничего. Мне достаточно ваших извинений за проявленную вами грубость.

– Извините меня, – искренне произнесла Настя, – вы оказались правы, а я вела себя по отношению к вам как последняя свинья...

Она хотела было добавить еще какие-то слова, но в это время увидела, как Даша делает ей знаки руками. Вероятно, подошла их очередь.

– Простите, – усмехнулась она, – меня призывают под венец.

Она протянула фотографу снимок, но он отрицательно покачал головой.

– Возьмите на память.

Она быстро прошла в холл, где ее уже ждали Алексей и Даша с Александром.

– Нам туда, – показал Леша куда-то вправо, где находилось несколько совершенно одинаковых дверей, различающихся только номерами. – Комната 9.

В комнате 9 сидели две симпатичные девушки, которые в четыре руки выписывали свидетельства о браке и проставляли штампы в паспортах. Одна из них выскочила из комнаты и через полминуты вернулась с огромной книгой.

– Расписывайтесь быстренько, – сказала она, чуть задышавшись, – книгу надо срочно вернуть, без нее нельзя начинать следующую церемонию.

Настя с Лешей и их свидетели расписались в книге, и девушка умчалась.

– Фамилию менять будете? – спросила Настю сотрудница загса, оформляя свидетельство о заключении брака.

– Нет, не буду.

– Значит, пишем: присвоить фамилии... мужу – Чистяков, жене – Каменская...

И в этот момент раздался истошный вопль. Кричала женщина, потом к ней присоединились еще несколько женских голосов.

– Даша, посиди здесь, – бросила Настя, пулей вылетая из комнаты в холл.

Александр и Леша кинулись за ней. В холле возле двери в туалетную комнату стояла черно-белая толпа невест и женихов. Настя, выхватив из сумочки служебное удостоверение и подняв его высоко над головой, легко протиснулась сквозь эту толпу, громко повторяя:

– Пропустите, пожалуйста, милиция, милиция, дайте пройти.

На пороге туалетной комнаты она остановилась. На кафельном полу лежала красивая молодая девушка в нарядном подвенечном платье. На груди по белоснежной ткани расплывалось кровавое пятно. Глаза ее были открыты, но неподвижны. Она умерла сразу от прямого попадания пули в сердце.

Рядом с ней на коленях стоял молодой человек в темном костюме. Его лицо не выражало ничего, оно было похожим на маску. Настя поняла, что он находится в глубоком шоке, будучи не в состоянии осознать и принять происшедшее.

Она сделала шаг назад, повернулась лицом к стоящим у нее за спиной людям и уперлась руками в стену по обе стороны от двери в туалет. Привстав на цыпочки, отыскала глазами мужа и брата и скомандовала:

– Саша, Леша, контролируйте выходы. Никого не выпускать. И следите, чтобы Дарья сюда не подходила.

На мгновение ее глаза резанула вспышка фотоаппарата, и слева от себя Настя увидела фотографа.

– Эй, молодой человек, идите сюда, – позвала она.

Парень протиснулся к ней и возбужденно зашептал:

– Вы из милиции, да? Послушайте, позвольте мне сделать снимки. Это мой хлеб, мой заработок.

– Как вы сказали?

– Ну, я не хотел бы, чтобы об этом знали... Понимаете, я вообще-то фотокорреспондент «Криминального вестника», а по субботам в загсах подрабатываю. – Он протянул ей удостоверение. – Позвольте мне сфотографировать место происшествия, ну пожалуйста!

– Ладно, только быстро, – решительно сказала Настя. – Пять секунд вам даю на снимки, потом будете мне помогать.

Парень защелкал затвором, не обращая внимания на возмущенные крики за спиной.

Через толпу пробралась белая от ужаса заведующая, совсем еще молодая женщина с испорченными перекисью мелированными волосами, делавшими ее похожей на давно не стриженную болонку.

– Боже мой, боже мой... – причитала она, всплескивая руками.

– Вы милицию вызвали? – спросила ее Настя.

– Милицию... нет... – пробормотала заведующая.

– Так вызовите, – зло сказала Настя. – Впрочем, нет. Встаньте на мое место и следите, чтобы в туалет никто не входил. Жениха желательно не трогать, пусть стоит как стоял. Вы все поняли?

– Д-да, – запинаясь, пробормотала «болонка».

– Где у вас телефон?

– У меня... в кабинете...

– А кабинет где?

– Через холл и направо... там написано...

Настя пронеслась через холл, успев на бегу бросить взгляд на крыльцо и убедиться, что Чистяков добросовестно несет вахту, что-то терпеливо объясняя только что подъехавшей очередной брачующейся паре и их сопровождающим. Найдя кабинет заведующей, она распахнула дверь, схватила телефонную трубку и набрала номер.

– Дежурный по городу подполковник Кудин, – донесся до нее глуховатый бас.

– Здравствуй, Вася, – сказала она по-домашнему просто. – Это Каменская.

– О, какие люди! – зарокотал Кудин. – Чего тебе неймется в нерабочий день?

– Труп у меня, Вася.

– Адрес?.. Телефон?.. Так, понял... Загс? Ни хрена себе! Сейчас, минутку обожди.

Она услышала, как щелкнул тумблер, и голос Кудина произнес куда-то в сторону: «Дежурная группа, на выезд. Дежурная группа, на выезд».

– Погоди-ка, а ты не сегодня ли замуж-то выходишь? – Голос дежурного по городу снова приблизился.

– Сегодня, Васенька, сегодня. Вот прямо сейчас и венчалась, пять минут назад.

– Ой елки-палки, ну что ты за человек, Каменская? Ты даже замуж выйти не можешь по-человечески, чтобы без трупа.

– Планида у меня такая, видно. Васенька, у меня к тебе просьба. Ты набери по внутреннему телефон Юрки Короткова, он по субботам имеет обыкновение на работу приходить.

– Ну, погоди... Так, набрал... Коротков? Кудин приветствует. Тебя подружка твоя хочет... Как это какая? Настасья... Ну век воли не видать, зачем я тебя разыгрывать буду. Вот она у меня тут, на городском телефоне... Хочет чего? Сейчас спрошу. Але, Каменская, он спрашивает, чего ты хочешь.

– Пусть с дежурной опергруппой приедет, – сказала Настя.

– Слышь, Юр, она просит, чтобы ты приехал. У нее труп в загсе, я группу высылаю, так что если ты едешь, то давай спускайся быстренько... Приедет, – сообщил он Насте. – Может, еще чего надо? Говори, не стесняйся, сегодня для тебя в виде свадебного подарка любые одолжения сделают.

– Тогда пришли сюда Олега Зубова. Сможешь?

– О, нет, это не смогу. Я еще пожить хочу, у меня дети растут. Его сегодня с утра из горпрокуратуры разыскивали, так ты бы слышала, как Зубов выражался, рвал и метал. Он только после суток сменился, домой хотел ехать, а его перехватили.

– Хорошо, Васенька, присылай ребят. Если что – позвоню.

– Звони, конечно.

Она положила трубку и вышла из комнаты. У самых дверей ее поджидал фотограф.

– Что вы тут делаете? – сердито спросила она.

– Вас жду. Вы сказали, что я должен вам помочь. Вот я и жду ваших указаний.

– Начинайте фотографировать.

– Что именно? Или кого?

– Все и всех подряд. Людей, мебель, интерьер, расположение комнат, центральный вход, черный ход, но главное – людей. У нас только два варианта: или преступник успел уйти отсюда, или нет. Если успел, то вся затея бессмысленна. Если не успел, то он сейчас здесь.

– Знаете, я почему-то примерно так же и подумал... – начал фотограф и замялся.

– И что же?

– Ну... Я начал фотографировать сразу же, как только услышал первый крик. В эту же самую секунду. Вы не забываете, я в «Криминальном вестнике» работаю и в таких ситуациях начинаю действовать автоматически.

– Много отсняли?

– Три кассеты.

– Три кассеты? – удивилась Настя. – Вы быстро работаете.

– А вы могли в этом убедиться, – усмехнулся фотограф. – Так мне продолжать фотографировать?

– Обязательно, – кивнула Настя. – Ваша фамилия Шевцов? Антон Шевцов?

– Откуда вы знаете? – удивился фотограф.

– Вы же показывали свое удостоверение.

– Но вы на него даже не посмотрели.

– Это вам так показалось. Все, что нужно, я увидела.

– А вас как зовут?

– Анастасия. Анастасия Каменская. Пожалуйста, Антон, приступайте, и еще слушайте внимательно, кто что говорит. Знаете, невзначай оброненное слово может оказаться очень важным.

Настя вышла на крыльцо, где неловко топтался Лешка, защищая вход от прибывающих женихов и невест. Она понимала, что ситуация складывается пиковая. В случае непредвиденных обстоятельств можно перенести почти любое событие, можно отыграть на следующий день сорванный сегодня спектакль, но отменять свадьбу нельзя. Даже самые холодные и циничные человеческие особи в ночь перед бракосочетанием подводят какие-то итоги, принимают решения, в день свадьбы на них снисходит особый дух, особое состояние, которое нельзя ни отменить, ни перенести на другой день. Приглашены гости, заказан ресторан

или стол готовится дома, куплены билеты, чтобы сегодня же вечером уехать в свадебное путешествие... Нет, что угодно, но свадьбы отменять нельзя.

Она решительно вышла вперед и подняла руку.

– Минуточку внимания! Уважаемые дамы и господа! В загсе произошел несчастный случай, поэтому временно, до приезда врачей и работников милиции, доступ в помещение закрыт. Не волнуйтесь, пожалуйста. Вам предлагается на выбор два варианта: либо вы соглашаетесь зарегистрировать брак по упрощенной процедуре, либо, если вы хотите, чтобы все было торжественно, ждете как минимум два-три часа. В любом случае все, кто должен был сегодня зарегистрироваться, смогут это сделать. Через пятнадцать минут работники загса вынесут на улицу столы и документы и начнут регистрацию. Мы приносим вам свои извинения.

Толпа несколько оживилась. От нее отделились мужчина и женщина и подошли к Насте.

– Мы врачи, – решительно сказал мужчина, моложавый брюнет с сильной проседью. – Мы готовы оказать помощь, если нужно.

– Какая у вас специальность? – спросила Настя.

– Я психиатр, это вряд ли вам подойдет, а моя жена – хирург, так что если кто-то ранен или травмирован...

– Очень хорошо, – быстро сказала Настя. – Психиатр – это как раз то, что нужно. Пожалуйста, пройдемте со мной.

Она провела врача сквозь заметно поредевшую группу людей перед женским туалетом. Жених убитой девушки по-прежнему стоял на коленях перед телом невесты и мерно раскачивался, закрыв лицо руками. Мужчина мгновенно оценил ситуацию.

– Он в шоке. К нему можно подойти?

– Вообще-то нежелательно. На полу могут быть следы. Пока он стоит неподвижно, мне как-то спокойнее. Но я хочу, чтобы вы четко проинструктировали меня, что и как нужно будет делать, когда приедут работники милиции. Я имею в виду, как поступить, чтобы парню не стало хуже. А то ведь он может начать биться головой или еще что-нибудь... Суицидальные попытки, например.

– Я вас понял, – кивнул врач. – Я буду рядом и сам прослежу за ним. На всякий случай надо послать кого-нибудь в аптеку, я сейчас выпишу рецепт, пусть купят лекарство. В случае чего я сделаю ему укол. Шприц здесь найдется?

– Вряд ли. Но у судмедэксперта наверняка с собой есть.

– Отлично.

Мужчина вынул из кармана бумажник, извлек из него чистый рецептурный бланк с печатями и быстро заполнил его. Настя взяла у него рецепт и снова вышла на крыльцо.

– Кто-нибудь может доехать до ближайшей аптеки? – спросила она громко.

Желающие нашлись не сразу. В конце концов к ней подошел молодой кавказец.

– Вайме, это не мужчины, это шакалы, – с тихой яростью произнес он. – Если бы своими глазами не увидел, никогда бы не поверил, хлебом клянусь. Давай рецепт, сестричка.

– Вы тоже женитесь? – спросила его Настя, готовая уже предложить ему регистрацию без очереди за бескорыстную помощь.

– Нет, сестричка, я мимо проезжал, притормозил, чтобы посмотреть, почему толпа возле загса стоит, а тут ты выходишь. А что случилось-то? Плохо кому-то?

– Хуже не бывает, братишка, – в тон ему грустно ответила Настя. – Невесту застрелили.

– Вайме! – У кавказца округлились глаза. – Я сейчас! Я мигом!

Он кубарем скатился со ступенек крыльца, и рев мотора слился с воем милицейской сирены. Опергруппа наконец приехала.

Глава 3

Юрий Коротков сочувственно смотрел на Настю. Лицо ее было напряженным и сосредоточенным и никак не походило на лицо молодой жены в день свадьбы.

– Надо же, какая тебе невезуха подвалила, – приговаривал он, слушая ее рассказ.

– Да что мне, я-то жива-здоровая и даже замуж вышла, а вот невесте той... – вздыхала она.

День был по-летнему теплым, и в распахнутые настежь окна врывались звуки музыки, торжественных слов и поздравлений. На улице, прямо перед входом в загс расставили столы и проводили импровизированные бракосочетания. В помещении загса работала оперативная группа и эксперты, людей катастрофически не хватало, потому что опросить нужно было всех, кто присутствовал в загсе в момент убийства, а было их немало, около пятидесяти человек.

– Юра, мне надо уехать, – робко сказала Настя, взглянув на часы. – У нас ресторан заказан, семьи ждут.

– Конечно, без тебя мы не справимся, – пробурчал Коротков. – Езжай, невеста, и не морочь себе голову. Или ты чего-то недоговариваешь?

– Юра, я тебе скажу кое-что, только ты отнесись к этому спокойно, ладно?

– Хорошее начало, многообещающее. Валяй.

– Ты помнишь дело Петриец?

– Изнасилование в Печатниках? Помню.

– Ты помнишь основного подозреваемого Артюхина?

– Это у которого потом алиби оказалось? Помню.

– Вчера выяснилось, причем совершенно случайно, что алиби было ложным. Свидетельница, которая как случайная прохожая подтвердила, что Сергей Артюхин в момент совершения преступления находился в другой части города, оказалась его любовницей, с которой он уже давно знаком. Я предупредила Артюхина, что сообщу о нашей с ним встрече следователю в понедельник. А сегодня утром я получила письмо со словами: «Не делай этого. Пожалеешь».

– А ты, как водится, сделала. Угадал?

– Угадал. Причем сделала это через десять минут. Артюхин об этом знать не мог, поэтому вполне обоснованно считал, что его предупреждение было своевременным. А сегодня в десять утра я на улице встречалась с Костей Ольшанским, и это мог увидеть тот, кому интересно.

– За каким, извини, лешим ты встречалась с Костей?

– Письмо ему отдала, чтобы экспертам передал.

– Балда ты, Аська! Ты хоть понимаешь, что подставилась?

– Теперь понимаю.

– Теперь? Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, Юрик, что моя очередь на регистрацию была десятая. Но мы попросили, чтобы нас расписали быстренько, без всех этих церемоний, прямо в комнате у инспекторов. И в назначенное мне время, в 12.15, в свадебный зал пошли не мы с Лешкой, а пара, у которой номер очереди был одиннадцатый. Вернее, не пошла, а только должна была идти. Потому что невесту из этой пары как раз и застрелили.

– Так.

Коротков поднялся с низкого кресла и со стоном распрямил затекшие ноги. Потом подошел к Насте вплотную и встал, возвышаясь над ней угрожающей громадой.

– Мне нравится ход твоих мыслей, – свирепо произнес он. – И после такого оптимистичного вывода ты собираешься куда-то ехать? Ты в своем уме, подружка дорогая? Если девушку убили по ошибке, вместо тебя, то где гарантия, что не будет второй попытки?

– Не пугай меня, я уже и так напугана, но мозги у меня пока что от страха не отшибло. Если убийца метил в меня, но ошибся, значит, это точно не Артюхин, потому что Артюхин знает меня в лицо. Скорее всего, он кого-то нанял. Если убийца успел удрать отсюда сразу же, то он совершенно точно не знает, что я жива. Если же не успел, то он и сейчас здесь, потому что примерно через десять минут после убийства все входы уже были под контролем. А коль он здесь, то уж до ресторана-то я всяко смогу доехать без приключений. Сейчас, когда фамилия потерпевшей на каждом углу произносится вслух, он уже понял, что ошибся, но сделать ничего не может – ни выйти отсюда, ни позвонить Артюхину.

– Не знаю, Ася, – задумчиво покачал головой Коротков. – Я бы на твоём месте не стал рисковать.

– Да и я не стала бы, Юрочка, но ведь нас ждут в ресторане. Восемь человек, родители Лешки, Дарьи, Саши и мои. Ну как это будет выглядеть, если приедут Саша с Дашей и Лешка без меня, а? Там мама, она специально на мою свадьбу из Стокгольма прилетела, я даже встречать ее вчера не поехала, думала, сегодня увидимся.

– В котором часу вас ждут?

– В два. А сейчас уже без двадцати.

– Ладно, черт с тобой, – вздохнул Коротков. – Тебя не переспорить. Возьми мой пистолет на всякий случай.

– С ума сошел! А не дай бог что случится? Как потом оправдываться будем, что ты мне свое оружие отдал, а я его взяла? Ведь голову оторвут.

– Ну конечно. А не дай бог что случится и тебе защищаться будет нечем? Головы все равно не сносить, что так, что эдак. Бери, мне спокойнее будет.

Настя поискала глазами кого-нибудь из своих. Через открытую дверь одного из кабинетов она увидела Чистякова, беседовавшего с приехавшим следователем. Саши нигде не было видно, зато неподалеку в кресле рядом с искусственной пальмой сидела грустная, всеми забытая Даша. Настю пронзила острая жалость к молодой женщине, которая так готовилась к своему самому главному празднику и которая вместо этого вынуждена была одиноко сидеть и наблюдать милицейскую суету вокруг свадебного трупца.

– Дашуня! – позвала она. – Можно тебя на минутку?

Даша тяжело встала и медленно пошла туда, где сидели Настя и Коротков. Глядя на ее осунувшееся лицо и темные полукружья под глазами, Настя вдруг поняла, что Даша устала и измучилась. Немудрено, попасть в такую передрыгу, да еще на восьмом месяце! Ей бы полежать на удобной кровати, открыв настежь окно и задернув шторы, подремать часок, а она с шести утра на ногах, да вдобавок столько эмоций.

– Дашенька, прикрой нас на секундочку, и едем. Где Саша?

– Его какой-то дядька увел.

– Какой дядька?

– Маленький такой, с усами, в клетчатой рубашке.

– Это эксперт, – сказал Коротков. – Сейчас найду твоего братца. Даша, встаньте, пожалуйста, так, чтобы нас с Анастасией не было видно.

Даша послушно загородила их от посторонних взглядов. Воровато озираясь, Настя открыла сумочку, и Коротков быстро сунул туда пистолет, ловко вытащив его из плечевой кобуры.

– Порядок.

Юра быстро прошел в кабинет, где допрашивали Чистякова.

– Михалыч, отпусти человека, у него свадебный обед стынет.

Видя колебания следователя, он добавил:

– Отпусти, отпусти. Это молодой муж нашей Аськи. Если надо будет – из-под земли достанем.

Следователь с явной неохотой прервал беседу. Леша благодарно улыбнулся и вышел в холл, а Коротков помчался дальше, громко выкликая:

– Эксперт Саенко! Эксперт Саенко!

– Он вон там, – откликнулся кинолог, входя в холл со стороны черного хода с овчаркой на поводке.

Через минуту Александр Каменский присоединился к остальным, и в сопровождении Короткова они вышли на улицу.

– Как сядем? – спросила Настя, нерешительно переводя взгляд с Сашиной машины на машину Чистякова. Ей очень хотелось поехать вместе с Лешей, но оставлять брата и Дарью наедине она боялась. Саша знал о полученном утром письме и вполне успешно мог прийти к тем же выводам, что и она сама. Ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы он поделился своими соображениями с женой или с Чистяковым.

– Теперь уже... – начала было Даша.

Но Настя, сообразившая, что она сейчас скажет: «Теперь уже можно каждому со своей половиной», быстро прервала ее:

– Не будем нарушать традицию. Как два раза ехали, так и в третий раз поедем. Бог троицу любит.

Даша покорно села в машину к Чистякову, а Настя устроилась рядом с братом.

Некоторое время они ехали молча. Наконец Александр не выдержал:

– Ася, тебе не кажется, что...

– Кажется. И я прошу тебя, Санечка, пусть это будет казаться только нам с тобой. Ты утром обещал мне любую помощь и говорил, что я могу полностью на тебя рассчитывать. Говорил?

– Говорил. Что от меня требуется?

– Во-первых, молчать. Лешка не должен знать об этом, а Дарья – тем более. Они с ума сойдут от страха. Во-вторых, смотри в зеркало заднего обзора, не тащится ли кто за нами. В-третьих... Впрочем, нет. Третьего не надо.

– Почему? Говори, Ася, я все сделаю.

– В-третьих, запомни, что у меня в сумке лежит пистолет. Воспользоваться им я вряд ли смогу.

– Почему?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Растеряюсь, испугаюсь, да мало ли что... Привычки нет.

– Ты хочешь, чтобы им воспользовался я?

– Боже упаси! Ни в коем случае. Просто помни, что он у меня есть. И если что-то произойдет, следи, чтобы сумку у меня не вырвали или я ее сама где-нибудь не бросила. А то с меня станется с перепугу. Кстати, опять же, если что – помни, что сумкой, в которой лежит пистолет, можно достаточно эффективно бить по голове. Я точно не сумею этого сделать, а вот ты справишься.

Они подъехали к ресторану и сразу увидели своих родителей, оживленно разговаривающих у входа. Настя выскочила из машины и бросилась к матери, которую не видела несколько месяцев.

– Мамуля!

– Доченька! Поздравляю тебя! Алеша, иди сюда, дорогой мой!

Надежда Ростиславовна приподнялась на цыпочки и ласково ухватила Чистякова за волосы.

– Молодец, умница, Алешенька, заставил-таки Настю взяться за ум. Я всегда знала, что ты своего добьешься. Молодец!

Несколько минут были посвящены объятиям, поцелуям и поздравлениям. Настя с любопытством наблюдала за Павлом Ивановичем, своим родным отцом, который, казалось, никакой неловкости не испытывал. Похоже, братец Александр был прав, все это было так давно, что уже никого взволновать не может.

Проходя в зал, Настя догнала Дашу, идущую рядом со своей матерью, и тронула ее за руку.

– Дашуня, давай будем делать лицо. Ни к чему волновать родителей. Ладно?

Даша подняла на нее больные усталые глаза и молча кивнула.

За столом Настя сидела напротив отчима, от которого не укрылась ее бледность и напряженное выражение лица. Он некоторое время молча посматривал на падчерицу, потом демонстративно вынул из кармана сигареты и сделал ей знак рукой.

Они вышли в холл, где стояли кресла и урны, сели и закурили.

– Выкладывай, ребенок, – строго сказал Леонид Петрович. – И не вздумай мне врать, что у тебя ничего не случилось.

– В загсе произошло убийство, – просто сказала Настя. – Убили невесту.

Пришлось ждать опергруппу, до ее приезда никого из здания не выпускали. Поэтому мы и задержались.

– Это ты своему мужу будешь рассказывать. А мне, будь любезна, говори правду.

– Папа, ну честное слово...

– Ребенок Настя, ты меня огорчаешь, – вздохнул отчим. – Сколько раз я предупреждал, что вижу тебя насквозь. И почему ты никак это не усвоишь? Ну?

– Дай слово, что маме не скажешь, – потребовала Настя.

– Не буду я никаких слов давать, – рассердился он. – Я – старый, жизнью битый сыщик, хоть и нахожусь в последние годы на преподавательской работе, но кому и что говорить – решаю сам. И ты, малявка, мне условия не ставь.

– Не малявка, а молодая жена, женщина семейная, – с улыбкой поправила его Настя.

– Это ты Лешке своему молодая жена, а мне – ребенок. Выкладывай.

– Ну, в общем... Мне один тип угрожает, но это нормально, дело обычное. Из-за этого я немножко нервничаю. Вот и все.

– И все? Это никак не связано с убийством в загсе?

– Никак. Даже и не думай, папуля.

– Значит, связано, – констатировал Леонид Петрович. – Слишком много лишних слов произносишь, это подозрительно. Запомни, ребенок, чем больше слов – тем сильнее подозрения, что за ними скрывается обман. Сама справишься?

– Постараюсь. Но маме не говори, ладно?

– Ученого-то не учи, – усмехнулся он, гася сигарету и вставая. – Пошли праздновать. Да, кстати, тебе в загс нужно возвращаться?

– Не обязательно. Любопытство, конечно, разбирает, но для дела значения не имеет. В конце концов, я с понедельника в отпуске.

– Опять ты врешь, Настасья, – с досадой покачал головой отчим. – Пока мы с тобой здесь сидели, ты на телефон-автомат раз десять поглядела. Жетон дать?

– У меня есть.

– Давай звони быстро и пойдем, неудобно так надолго уходить.

Настя благодарно чмокнула его в щеку и набрала номер заведующей загсом.

– Ну что там? – спросила она без предисловий, когда к телефону подзвали Короткова.

– Ничего нового, – уныло ответил тот. – Фотографа, Шевцова этого, отпустили в лабораторию печатать снимки. К вечеру обещал все сделать. Может, на них что-нибудь увидим. Всех присутствующих проверяем на знакомство с потерпевшей и с Артюхиным. Оружия не нашли. В общем, тяжело. Народу много, но нельзя их держать здесь до бесконечности, всех ждут гости. Придется отпускать.

– Посторонних не обнаружили?

– Нет. Все, кто есть, приехали с брачующимися. Гости, родственники, свидетели. Ни одного подозрительного лица.

– Значит, успел сбежать.

– Значит, успел, – подтвердил Коротков с тоской в голосе. – А тебе как празднуется?

– Кусок в горло не лезет. Ладно, счастливо.

Они вернулись в зал как раз в тот момент, когда Даша и Александр в очередной раз целовались. Настя сразу наткнулась на вопрошающий взгляд Чистякова.

– Ну что там? – тихонько спросил он, невольно повторив те же самые слова, которые сама Настя только что сказала Короткову.

– Где?

– Ты же звонить ходила.

– Как ты догадался?

– А то я тебя не знаю, – усмехнулся Чистяков. – Аська, я человек с нормальной психикой, и преданность работе меня не раздражает. Может, я тебя как раз за это и люблю.

– Да? А я тебя люблю за другое.

– За что же, интересно?

– За то, что ты меня знаешь и не раздражаешься. Давай выпьем.

– Я за рулем.

– Ну просто подними бокал. Я тост скажу.

Настя решительно поднялась с места с бокалом в руке.

– Можно мне несколько слов? Те, кто меня давно знает, наверное, удивляются, с чего это мы с Алексеем решили оформить наши отношения. Поэтому я скажу, чтобы не было недоразумений и недомолвок. Оказывается, я много лет не понимала, что люблю его. Я думала, что он просто очень хороший человек и я к нему привязана. А потом я вдруг поняла, что он – единственный и я его люблю. И как только я это поняла, мы сразу помчались в загс подавать заявление. Вот!

– Что – вот? – подал голос Павел Иванович с другого конца стола. – Не вот, а горько!

– Горько! – подхватили остальные.

* * *

Черное и белое, белое и черное. Женихи и невесты, невесты и женихи... О господи, как я вас всех ненавижу!

Я ненавижу всех черных, потому что черное – это зло.

Я ненавижу всех белых, потому что белые меня отвергли.

Я надену черное и буду смотреть на вас, выраженных в белые одежды, копошащихся там, вдали от меня. Ибо вы никогда не приблизитесь ко мне.

Ибо вы меня отвергли...

* * *

Домой они вернулись рано, еще не было семи часов. Первым делом Настя сняла костюм и влезла в уютный, удобный домашний халат. Она очень уставала, когда приходилось носить «приличную» одежду и туфли на каблуках, и чувствовала себя свободно и комфортно только в джинсах, свитерах и кроссовках.

Напряжение ее не отпускало, и она никак не могла сосредоточиться на простых домашних делах. Надо ли готовить ужин, или того, что они съели в ресторане, организму хватит до утра? Приглашать ли на завтра гостей или пренебречь традициями? Где газета с программой телепередач?

Она помнила, что должна что-то сделать, кому-то позвонить, но никак не могла вспомнить, кому и зачем. В ресторане, при гостях и родителях, ей удавалось держать себя в руках, но теперь страх полностью овладел ею. Она понимала, что должна, обязана поговорить с Лешей, потому что если Артюхин в самом деле решил на нее воздействовать, то ее муж находится под такой же угрозой, что и она сама. Но, может быть, Артюхин не замешан в сегодняшнем убийстве Галины Карташовой? Может быть, все это не более чем чудовищное совпадение?

Наконец она сообразила, что собиралась звонить Ольшанскому.

– Должен тебя огорчить, Каменская, – сообщил ей Константин Михайлович. – Артюхина я задержал, а вот пальцев его на письме нет.

– А чьи есть? – глупо спросила она.

– Чьи-то есть, но чьи – неизвестно. Мне Коротков звонил, так что я в курсе твоих приключений в загсе. Мы, конечно, возьмем отпечатки у всех, кто там присутствовал, и сравним со следами на письме. Но это долгая песня.

– А что Артюхин говорит?

– Да что он может говорить? Отрицает все, естественно. Но я его дожду, ты не сомневайся. Я и раньше был уверен, что он виновен в том изнасиловании, только его железное алиби меня смущало. А теперь у меня руки развязаны. Кроме того, сегодня я узнал, что он завязан с транзитом наркотиков.

– Когда вы его задержали?

– Около двух часов дня...

Разговор с Ольшанским облегчения не принес. Чувство опасности не утихало, и Настя решила попробовать отвлечься хоть на что-нибудь. Она вышла на кухню, где Чистяков уже разложил на столе свои книги и углубился в работу.

– Лешик, давай устроим свой собственный праздник. Вдвоем. И напьемся.

Алексей поднял на нее изумленные глаза.

– Асенька, что с тобой? Да ты сама не своя от сегодняшних событий. Тебе отдыхать надо, а не праздновать.

– Глупости. У нас сегодня свадьба. В конце концов, мы с тобой шли к ней пятнадцать лет. Убирай свои книжки и доставай шампанское.

– Ты же не любишь шампанское, – заметил Чистяков с улыбкой, но книги все-таки убрал.

– Но больше ничего нет.

– Кто сказал? Есть твой любимый мартини.

– Откуда?!

– Ну как откуда? Из торговой точки, откуда же еще. Я сам его не делаю.

– Лешик, я тебя обожаю!

Она обняла мужа и крепко прижалась к нему.

После выпитого маленькими глоточками мартини ей стало легче. Ледяные пальцы стали теплыми, бледное лицо слегка порозовело, комок внутри словно разжался, и она смогла глубоко вздохнуть.

– Лешик, какие у нас планы на завтра? – спросила она, расслабленно откидываясь на спинку стула и вытягивая ноги.

– Спать, спать и спать до полного умопомрачения. А там посмотрим.

– Господи, хорошо-то как, – блаженно протянула Настя. – Мы выспимся, а потом ты поведешь меня гулять. Мы будем гулять долго-долго, пока у меня ноги не заноят, потом пообедаем и сядем за работу. Я уступаю тебе компьютер.

– А как же ты? Опять будешь на машинке стучать?

– Мне машинка еще дня два не будет нужна. Я сначала прочитаю книжку полностью, от начала до конца, чтобы «въехать» в стиль автора, в его замысел. И только после этого начну делать перевод. И потом, если я вещь предварительно не прочту, мне любопытство мешает переводить. Мне же интересно, что будет дальше, чем дело кончится, поэтому так и подмывает перестать печатать русский текст и завалиться на диван читать.

– Понятно. Кстати, Асенька, я хотел тебе напомнить, что наше супружество подразумевает и общий бюджет. Ты об этом не забыла?

– Я об этом как-то не думала, – призналась Настя.

– Вот и напрасно. И поскольку заработки у меня бывают довольно приличные, я думаю, тебе нет смысла больше заниматься переводами. Может, договоримся, что это в последний раз?

– Не сердись, Лешик, но – нет. Во-первых, я привыкла так проводить свой отпуск. И во-вторых, мне это нравится и позволяет поддерживать знание языков. А в-третьих, я терпеть не могу просить деньги. Предпочитаю иметь свои.

– Аська, твоя независимость приобретает оскорбительные формы, – рассмеялся Чистяков, но глаза его помрачнели, и Настя поняла, что он обиделся.

Она уже собралась сказать ему что-нибудь ласковое, чтобы сгладить неловкость, но в этот момент зазвонил телефон.

Это был Юра Коротков, и голос у него был странный.

– Ася, ты трезвая? – спросил он первым делом.

– Обижаешь, начальник, – пошутила она. – Ты когда-нибудь видел меня нетрезвой?

– Но у тебя и свадьбы никогда не было. Соображать можешь или не приставать к тебе сегодня?

– Приставай. Есть новости?

– И еще какие. Ты стоишь или сидишь?

– Стою.

– Тогда сядь.

Настя подтащила телефонный аппарат к креслу и уселась поудобнее.

– Ну, села.

– Сегодня в десять утра в Кунцевском загсе застрелили невесту. Я только недавно узнал. Там были ребята из округа, группу с Петровки не вызывали.

– Что?!

– погоди, Ася, это еще не все. Одна из девушек-невест рассказала, что вчера, накануне свадьбы, она получила письмо в белом неподписанном конверте. Догадываешься, что в нем было написано?

– Не может быть, – прошептала она внезапно охрипшим голосом и судорожно откашлялась. – Ты меня разыгрываешь.

– Ни в одном глазу. Так что оставь в покое своего Артюхина, он к этому никакого отношения не имеет. Тут что-то другое, посерьезнее.

– Юрка, я ничего не понимаю. Два одинаковых письма и два совершенно одинаковых убийства? Оба в один день, в загсах, и оба раза погибли не те девушки, которые получили письма? Этого не может быть. Так не бывает.

– Подруга, ты изменяешь сама себе, – заметил Коротков. – Это же ты постоянно твердишь, что в нашем деле нет таких слов. В жизни бывает все что угодно.

– Ты прав. В жизни бывает все что угодно, – задумчиво повторила она. – Но все должно иметь свое объяснение. Надо только его придумать.

– Правильно. Вот и займись этим.

– А что Шевцов? Сделал фотографии?

– Сделал. Хочешь посмотреть?

– Хочу.

– Когда?

– Давай завтра. Можешь?

– Я-то могу, да боюсь, меня твой новоиспеченный муж приберет.

– Не приберет. Приезжай завтра с утра, часам к одиннадцати.

– Ладно. Делаешь из меня камикадзе...

Настя положила трубку и неподвижно застыла в кресле. Одно убийство еще можно было объяснить ошибкой преступника, выстрелившего не в ту жертву. Но два?! Две ошибки в один день – не многовато ли? А если не было никакой ошибки? Если все это не более чем ловкий камуфляж? Тогда следует признать, что одна из потерпевших была именно той жертвой, которую наметил преступник, а все остальное – маскировка, чтобы заморочить голову милиции. Но маскировка, требующая невероятно тщательной подготовки и огромных усилий.

А если все-таки ошибки? Можно ли найти им какое-то объяснение? И если это так, то между ней, Настей, и той второй девушкой, которая тоже получила письмо, должна быть какая-то связь.

Она настолько погрузилась в свои мысли, что не заметила, как в комнату вошел Чистяков.

– Что-нибудь случилось?

– Случилось. Еще одно убийство в загсе. Леш, включи мозги, а?

– Включил. Давай вводную.

– Только сохраняй спокойствие, хорошо?

– Постараюсь.

– Представь себе, что вместо Галины Карташовой должны были убить меня. Как ты считаешь, преступник мог обознаться? Мог он принять ее за меня?

– Ася, ты меня пугаешь. Откуда такие чудовищные предположения?

– Неважно. Но я ведь себя со стороны не вижу, поэтому мне трудно судить. Вот ты и скажи мне, есть между мной и этой девушкой что-то общее?

– Я не понимаю...

– Хорошо, я объясню. Сегодня утром я получила письмо с угрозой и считаю, что его написал человек, который знает меня в лицо. В загсе я этого человека не видела, но это ничего не означает, потому что я по сторонам не смотрела и его не искала. Если стрелял он, то ошибиться он не мог, он меня знает и в последний раз видел не далее как вчера вечером. Значит, он кого-то нанял и дал ему мое описание. Вот я и спрашиваю тебя, можно ли было нас перепутать, исходя из словесного описания?

– Нет, ничего общего, кроме цвета волос, – твердо ответил Чистяков. – Но ты забыла одну важную вещь, Асенька.

– Какую?

– Сегодня тебя вообще нельзя было узнать по словесному описанию. Дай-ка мне ту фотографию, которую тебе сделали на крылечке.

Настя полезла в сумку и достала сделанный «Полароидом» снимок.

– А теперь подойди к зеркалу. Видишь? В зеркале ты – такая, какой бываешь каждый день. Именно такой тебя и видел тот тип, с которым ты встречалась вчера. Верно? Ну и скажи мне теперь, сильно ты похожа на свою сегодняшнюю фотографию? Можно было тебя узнать по описанию?

– Вот черт! – с досадой бросила она. – Как же я об этом не подумала? Тогда можно предположить, что, не найдя меня по описанию, он выяснил номер моей очереди на регистрацию, нашел тех, у кого была девятая очередь, и узнал, кто идет следующим. Вот и все. Как просто!

– Что – просто? Анастасия, что ты несешь? Тебя хотят убить? – с тревогой спросил Леша.

– Вполне возможно. Да не пугайся ты, его уже задержали. Если, конечно, это он.

– А есть другие варианты?

– Сколько хочешь. Например, убить хотели Карташову, а письма и второе убийство – для отвода глаз. Убить хотели ту девушку, которой прислали точно такое же письмо, как и мне. Или убить хотели ту, которую и застрелили в Кунцеве. Одна из нас четверых – настоящая жертва, а все остальное – спектакль.

– Должен заметить, довольно жестокий спектакль. Ради чего такие усилия?

– Вот и я о том же думаю... Надо повнимательнее присмотреться к семьям этих девушек. И искать среди их окружения человека, который имеет связи с загсами. Ведь узнал же он откуда-то, что все мы сегодня выходим замуж. Или...

– Или что?

– Или это маньяк, заикленный на убийстве невест. Тогда вообще все мои рассуждения можно отправить псу под хвост.

– Лучше бы это оказался маньяк.

– Почему?

– Потому что если он интересуется только невестами, значит, тебе больше ничто не угрожает.

– Но, Лешенька, милый, если он интересуется невестами, значит, в любой день трагедия может повториться. Нет ничего хуже сумасшедшего убийцы, потому что он непредсказуем. Ты это понимаешь? Пусть уж лучше он охотится за мной.

– Ася, я понимаю другое: я не хочу стать вдовцом. Не хочу, слышишь? Не хочу!

– Не кричи, пожалуйста. Ты прекрасно знал, на ком женишься. Ты прекрасно знал, что мы не в бирюльки играем.

– Я не кричу, я...

Он резко повернулся и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Настя расстроено махнула рукой и уставилась на свое отражение в зеркале.

Ну что, подруга? Сыграла свадьбу? Не зря говорят: нельзя в мае замуж выходить, да еще 13-го числа. Как день не задался с самого утра, как начался с этого дурацкого письма, так и пошло все наперекосяк. И закончилось ссорой с Лешкой. Весело, ничего не скажешь...

* * *

Эля Бартош, которой так и не удалось сегодня выйти замуж и сменить фамилию, рыдала в своей комнате. Ее жених Валерий Турбин подавленно молчал, сидя за накрытым столом в обществе Тамилы и Иштвана, его несостоявшихся тещи и тестя.

– Я считаю, что ничего страшного не случилось, – говорила Тамила, накладывая мужу в тарелку аппетитные куски мяса. – В конце концов, если ваши чувства достаточно крепки, вы можете еще немного подождать. Поженитесь через месяц.

Она не скрывала своего удовлетворения. Сегодня свадьба не состоялась, а там, глядишь, Эля одумается. Не нужен ей, Тамиле, такой зять. И Элечке такой муж не нужен. Поэтому, как только в загсе возникла суматоха, она сразу сделала все возможное, чтобы отговорить молодых регистрироваться.

– Как можно играть свадьбу рядом с покойницей! – возмущенно шептала она мужу. – Пишта, поговори с Валерием как мужчина. Это знак судьбы, Пишта, они не должны вступать в брак. Ты видишь, не только я – все против этого.

Иштван жалел дочку, но в глубине души был согласен с женой. Он ничего не имел против Турбина, но и аргументов «за» у него не находилось. В зяте он хотел видеть помощника в делах, которого можно сделать компаньоном и на которого можно положиться. А этот книжный червь будет работать в госбюджетной организации, получать жалкие копейки и тратить на жизнь заработанные им, Иштваном Бартошем, капиталы.

Было и еще одно обстоятельство, не учитывать которое супруги Бартош не могли. Все уже было готово к переезду на постоянное жительство в Калифорнию. Там налажено дело, найдены партнеры и достигнута договоренность о том, что с 1 января следующего, 1996 года предприятие начнет функционировать. Но без Эли они никуда не поедут, они ни за что не оставят здесь свою девочку. А Эля, в свою очередь, не поедет без мужа. Тамила и Иштван знали, что у Валерия старая больная мать, стало быть, либо придется и ее тащить с собой, либо он никуда не поедет... Если не удалось отговорить дочь от замужества с этим нищим аспирантом раньше, то почти наверняка удастся сейчас. Надо только по-умному подойти к решению вопроса.

– Я думаю, тебе сейчас лучше пойти домой, – сказала Тамила, обращаясь к Турбину. – Эля расстроена, дай ей успокоиться.

– Мне кажется, я должен быть рядом с ней, – возразил Валерий, но не очень уверенно. Он побаивался властной и жесткой Тамилы.

– Я лучше знаю свою девочку. Когда она плачет, никто не должен быть рядом, ей от этого только хуже. Иди, Валерий, иди, завтра увидите. Утро вечера мудренее. Иди.

– Тамила Шалвовна, но кто-то же написал Эле это странное письмо.

– Да с чего ты взял, что оно было адресовано Эле? Оно с таким же успехом могло быть предназначено Иштвану или мне. Ты же понимаешь, Иштван занимается бизнесом, у него есть конкуренты и даже недоброжелатели, чтобы не сказать – враги. Конверт не был подписан. Я больше чем уверена, что к Эле это не имеет никакого отношения. Иди домой, Валерий, мы все устали, всем надо отдохнуть.

Она так явно выпроваживала жениха дочери, что Иштвану стало неловко. Турбин молча пошел к двери, но во взгляде, который он напоследок кинул в сторону Тамилы, была такая неприкрытая ненависть, что обоим супругам стало не по себе.

Проводив гостя, они молча принялись убирать со стола оставшиеся нетронутыми блюда.

– Ты действительно не знаешь, кто написал это письмо? – вдруг спросил Иштван по-венгерски. Он не хотел, чтобы дочь случайно услышала их разговор.

– Конечно, Пишта, понятия не имею, – ответила Тамила, тоже переходя на родной язык мужа.

Однако ей не удалось скрыть от Иштвана торжествующую удовлетворенную улыбку.

– Тебе не кажется все это странным? Письмо оказалось очень кстати, ты не находишь?

– Все к лучшему, Пишта, поверь мне. Все к лучшему. Мы увезем Элечку в Калифорнию и там найдем ей прекрасного мужа. Она способная и красивая девочка, там она сможет сделать себе карьеру. Ну что ей этот философ? Что мы с него будем иметь? Да еще с престарелой больной матерью...

– Тамила, ты жестока. Эля любит его. Ты, конечно, во всем права, но...

– Ах, Пишта, оставь, ради бога!

Тамила поставила в мойку стопку грязных тарелок, подошла к мужу и тесно прижалась к нему, обняв за шею.

– Ну что эта дурочка может понимать в любви, а? Он – самец, высококачественный самец, этого нельзя отрицать, но Эля этого не понимает. В ней играет кровь, ей хочется лечь с ним в койку и не вставать по крайней мере месяц. А что потом, когда она накушается секса до оскомины? Сейчас, когда им удастся побыть в пустой квартире только один-два раза в неделю, ей кажется, что слаще этого пирога ничего нет на свете. Но мы-то с тобой знаем, что это не так. Правда, милый? Мы с тобой тоже через это прошли. Подумай о том, какие неприятности нас с тобой ждут, если мы не сможем 1 января запустить производство. Акции уже продаются, и если все лопнет...

– Да, да, конечно, – согласился Бартош. – Мы не можем рисковать, слишком многое поставлено на карту. Но, Тамми, дорогая, меня что-то тревожит.

– Что же?

– У меня неприятное чувство, что это письмо оказалось уж очень кстати. И несчастье, которое произошло в загсе, тоже.

Тамила отстранилась и настороженно посмотрела на мужа.

– Что ты хочешь этим сказать? Ты меня в чем-то подозреваешь? Ты думаешь, это я написала письмо?

– Тамми...

– Негодяй! Да как у тебя язык повернулся! Ты еще скажи, что это я застрелила эту несчастную девушку! Ты – чудовище, Иштван Бартош!

Она замахнулась, чтобы влить мужу пощечину, но тот ловко уклонился, перехватил ее руку и умелым движением завернул ей за спину. Тамила прикусила губу от боли, со злобой впившись глазами в серые глаза Иштвана, но уже через несколько мгновений ее лицо смягчилось. Да, Тамила Бартош была властной и жестокой дамой, но ее муж был по-настоящему «крутым». Мягкость и интеллигентность полученного в семье западноевропейского воспитания служили лишь обманчивой оболочкой человека, прошедшего хорошую школу российской прибалтийской шпаны. В свое время именно это и подкупило Тамилу, которая совершенно потеряла голову от сдержанного рафинированного красавца, который в постели вел себя грубо и разнузданно и рассказывал ей о своих чувствах и сексуальных ощущениях исключительно при помощи нецензурных русских слов, произносимых с очаровательным мадьярским акцентом. И сейчас, стоя с заломленной назад рукой и глядя в холодные глаза Иштвана, она поняла, что муж не только подозревает ее, но и одобряет.

Внезапно что-то мелькнуло в его глазах, рука, только что железной хваткой сжимавшая ее кисть, мгновенно переместилась на ее бедро. Иштван резко притянул жену к себе, приблизил губы к ее уху и прошептал:

– Обними меня. На нас смотрит Эля.

Тамила обернулась. На пороге стояла дочь с опухшим от слез лицом и растерянными глазами.

– Что у вас происходит? Ты так кричала, мама...

– Я разговаривала по телефону с твоей бабушкой Юдит, – тут же нашлась Тамила, сообразившая, что дочь слышала венгерскую речь и все равно не поняла ни слова. – Она звонила из Будапешта, было плохо слышно. Бабушка хотела тебя поздравить, пришлось ей объяснить, что твой жених попал в аварию и сломал ногу, так что свадьба откладывается.

Слезы снова заструились по щекам девушки. Она резко повернулась и убежала в свою комнату.

Глава 4

Вчерашняя ссора оставила саднящий след, и с утра в воскресенье Настя впервые почувствовала неприятный холодок, воцарившийся между ней и Чистяковым. Они ссорились редко, за все двадцать лет знакомства не больше пяти раз, один из которых пришелся как раз на день свадьбы. Отличное начало семейной жизни.

Но как бы там ни было, к приходу Юры Короткова ситуацию надо было сгладить любым способом. Настя выбрала самый простой путь.

– Лешик, – сказала она, допивая вторую чашку утреннего кофе и закуривая третью сигарету. – Прости меня, пожалуйста. Я вчера вела себя неправильно. Я была не права. Прощаешь?

– Куда ж я денусь, – вздохнул Чистяков с видимым облегчением. Он, как и Настя, не любил конфликтов, особенно на пустом месте. – Но ты все-таки не забывай, пожалуйста: я все время помню, где ты работаешь, и все время за тебя волнуюсь. Запомнишь?

– Куда ж я денусь, – передразнила она мужа и скорчила ему гримаску. Конфликт был исчерпан.

Юра Коротков привез с собой толстый конверт с фотографиями. Антон Шевцов действительно постарался: на фотографиях оказались запечатлены все до единого люди, находившиеся в тот момент в помещении загса. Настя разложила снимки на полу в комнате и взяла в руки составленный Коротковым список людей. Женихи и невесты казались все на одно лицо, и пришлось потратить немало усилий, чтобы на обороте каждого снимка указать имена тех, кто на нем изображен. Они провозились почти три часа, когда оказалось, что в списке ровно столько же имен, сколько людей на фотографиях.

– Не сходится, – тревожно сказала Настя. – Имен должно быть на одно больше.

– Почему?

– Фотограф. Его не может быть на снимках, а в списке он есть. Значит, если в списке пятьдесят четыре фамилии, то на фотографиях должно быть пятьдесят три человека. А их тоже пятьдесят четыре. Давай искать, кто лишний.

Они снова кропотливо перебрали все фотографии и нашли ту, которая оказалась не подписана. На ней была изображена женщина лет пятидесяти с сухим изможденным лицом и странно напряженными глазами. Настя была уверена, что не видела ее в загсе.

– Кто это? – спросила она, протягивая снимок Короткову.

– Впервые вижу, – ответил он, вглядываясь в лицо женщины. – Ее там не было. Это точно.

– Она была, – поправила его Настя, – но исчезла. Она была там в тот момент, когда обнаружили труп, потому что Шевцов начал фотографировать сразу же, как только поднялся крик и началась суматоха, и исчезла до того, как перекрыли выходы. Надо немедленно установить, кто она такая. Будем показывать фотографию всем, кто был в загсе, может, она приехала с кем-то из вступающих в брак. Или это сотрудница.

– Нет, – покачал головой Коротков, – сотрудники все были на месте, я проверил. Скорее всего она была с кем-нибудь из молодоженов. Только вот почему она ушла?

– Да мало ли! Вышла воздухом подышать, цветы купить, позвонить. Может быть, ей нужно было что-то взять в машине. Вышла, а обратно войти уже не смогла, входы перекрыли.

– Но она же могла объяснить, ее пропустили бы.

– Она могла испугаться. Или, например, она поссорилась с кем-то из тех, с кем приехала, и демонстративно ушла совсем. В любом случае, Юра, ее надо найти. Вдруг она что-то видела или слышала?

– Найдем, куда денется. Давай еще Лешу спросим, может, он ее видел.

Но Чистяков такой женщины не помнил.

* * *

Начать решили с семей Бартош и Турбиных, ибо рассудили: выстрелить в загсе можно в любую девушку, а вот послать письмо перед самой свадьбой можно далеко не каждой. Для этого нужно знать, что она выходит завтра замуж, и ее адрес. В своем окружении Настя не нашла никого, кто хотел бы расстроить ее свадьбу. Значит, нужно поискать среди знакомых Элены Бартош и Валерия Турбина.

Тамила Бартош встретила Короткова в строгом деловом костюме, всем своим видом показывая, что вообще-то у нее масса дел и ей нужно уходить, но уж ради такого случая она, так и быть, отложит свои заботы.

– Я не думаю, что вам следует уделять этому глупому письму столько внимания, – высокомерно говорила она, неторопливо помешивая ложечкой в чашке из дорогого фарфора, в которой дымился только что заваренный английский чай. – Я полагаю, что угроза была адресована скорее моему мужу, а не дочери.

– Значит, вы уверены, что замужество Элены ни у кого не могло вызвать... ну, скажем, отрицательных эмоций?

– Да что вы! – рассмеялась Тамила. – Кого может интересовать Элино замужество?

– А ревность? Может быть, ее кто-то ревновал?

– Уверяю вас, с тех пор как Элечка познакомилась с Валерием, у нее не было ни одного поклонника.

– А до того?

– До того были какие-то детские увлечения, последнее из которых благополучно закончилось за несколько месяцев до знакомства с Турбиным. Нет-нет, ни о какой ревности и речи идти не может.

– Скажите, Тамила Шалвовна, почему свидетелем со стороны вашей дочери должна была выступать ваша племянница?

– А почему нет? Что в этом плохого?

– Плохого ничего, но, знаете, это не совсем обычно. Как правило, девушки приглашают на эту роль свою ближайшую подругу. Не зря же существует такое понятие «подружка невесты». Разве у вашей дочери нет такой подруги?

Что это? Короткову показалось или по лицу Тамилы действительно пробежало мимолетное облачко?

– Видите ли, все школьные подруги Элены теперь живут своей жизнью, учатся, работают, вышли замуж. Эля ни с кем из них не поддерживает отношений. Скорее даже не она с ними, а они с ней. Сами понимаете, девочка из обеспеченной семьи, ничем серьезным с виду не занята... Их это раздражает.

– Так что же, у вашей дочери нет вообще ни одной подруги? Тамила Шалвовна, я не могу в это поверить.

– Ну... – Она замялась. – Если только Катя.

– Какая Катя?

– Голованова. Она живет в нашем доме, в другом подъезде. Элина одноклассница.

– Они что, поссорились?

– Нет, с чего вы взяли? Они не ссорились.

– Так почему Елена не пригласила ее в загс на регистрацию? По-моему, это было бы вполне естественно.

– Кажется, Эля мне говорила, что Катя в этот день занята. Не то зачет какой-то должна сдавать, не то еще что-то...

– Как ваша дочь отнеслась к полученному письму?

– Ну как... – Тамила снова пожала плечами. – Удивилась.

– И все? Только удивилась? Или испугалась?

– Да нет, я не заметила, чтобы она очень испугалась.

– Где сейчас Елена?

– Уехала с отцом за город. Ей нужно отвлечься, успокоиться.

– Турбин поехал с ними?

– Нет. Они уехали вдвоем.

– Когда они вернутся? Мне нужно побеседовать с вашей дочерью.

– К вечеру, наверное.

* * *

Белое и черное, черное и белое...

Весь мир состоит только из этих двух цветов. Они не дали мне встать в ряды белых, они заставили меня унижаться и просить, а потом отвергли, выкинули грубо и безжалостно, сделав брезгливое лицо. Они сказали, что среди белых могут быть только самые лучшие, самые достойные. Самые белые.

А я?

Разве мой цвет не самый белый? Разве было на мне хоть единое пятнышко? Почему они отвергли меня?

Я знаю, почему.

Потому что они только притворяются белыми. На самом деле души их черны, и руки их черны, и помыслы. На самом деле им не нужны белые, им нужны черные, которые умеют рядиться в белые одежды. А я не умею.

Зато теперь я умею другое. Теперь я умею соединять белое и черное воедино. Кто говорит, что от слияния белого и черного получается серое? Это неправда. Не серое объединяет их.

Их объединяет красное. Цвет крови. Цвет смерти. Перед красным белые и черные равны, ибо нет от него спасения. Красный цвет всех уравнивает.

Алое на белом – убитые невесты.

Потом будет алое на черном...

* * *

Екатерина Голованова пришла из института только около восьми вечера. Коротков терпеливо поджидал ее на лавочке возле подъезда. Он уже побывал у нее дома, разговаривал с матерью и даже видел фотографию, поэтому узнал безошибочно.

– Здравствуйте, Катя, – сказал он, вставая и делая шаг ей навстречу.

Девушка остановилась и с любопытством посмотрела на него. Она была ровесницей Элены, но выглядела старше, возможно, оттого, что в ней не было девичьей грации и легкости, зато были по меньшей мере восемь, а то и все десять лишних килограммов веса. А может быть, дело было в слишком грустных глазах и слишком серьезном взгляде.

– Меня зовут Юрий Викторович, я из уголовного розыска, – представился Коротков. – Я могу с вами поговорить?

– А в чем дело? – испугалась девушка. – Что я сделала?

– Ничего, – как можно приветливее улыбнулся он. – Я хочу поговорить о вашей подруге Элене. Можно?

– Господи, что с ней?

– Да ничего с ней не случилось, не волнуйтесь. Давайте присядем. Или вы хотите пройтись?

Катя задумалась, потом нерешительно переложила сумку в другую руку.

– Я бы погуляла, но у меня книги... Сумка тяжелая.

– Я понесу. Давайте.

Коротков подхватил сумку и удивился ее тяжести. Конечно, девушка не выглядела хрупкой и слабенькой, но вес сумки с книгами был все-таки солидным.

– Как ваш субботний зачет? – поинтересовался он как бы между прочим. – Сдали?

– Какой зачет? – удивилась Катя.

– А разве вы не сдавали в субботу зачет?

– Нет. С чего вы взяли? У нас по субботам вообще нет занятий.

– Извините, значит, я что-то напутал. А где вы были в субботу?

Возникшая пауза Короткову не понравилась. Катя молча шла рядом с ним, поддевая носком туфельки пустую картонную упаковку из-под сока.

– Я жду, – напомнил он. – Где вы были в субботу, Катя?

– Дома. А что?

– И чем вы занимались?

– Послушайте, Юрий Викторович, вы сказали, что хотите поговорить со мной об Эле. А вместо этого интересуетесь, что я делала в субботу дома. Какое отношение это имеет к Эле?

– Самое прямое. Я хочу понять, почему вы не были на ее бракосочетании. Поэтому я и спрашиваю, какие такие неотложные дела заставили вас остаться дома. Ведь Елена ваша близкая подруга. Она приглашала вас поехать в загс?

Катя молча кивнула, упорно продолжая толкать перед собой картонную коробочку.

– Почему же вы не поехали?

– Не захотела.

– Почему, Катя? Пожалуйста, не заставляйте меня вытаскивать из вас ответы клещами. Совершенно преступление, я собираю необходимую для раскрытия информацию, а вы ведете себя как ребенок. Нельзя же так. Вы взрослый умный человек, вы можете мне помочь, так помогите же.

– Вы, наверное, хотели сказать мне комплимент, – криво улыбнулась она. – Но, знаете ли, иногда лучше быть маленькой дурочкой, чем взрослой и умной.

– Что значит «лучше»? Для чего лучше?

– Выгоднее.

– То есть?

Катя снова умолкла. На этот раз пауза была еще дольше. Наконец она сказала:

– В субботу я осталась дома, потому что не хотела ехать на Элину свадьбу. Этого достаточно?

– Нет, Катя. Этого недостаточно. Я прошу вас объяснить, почему.

– Потому что мне не нравится ее семья. Они очень высокомерные и самодовольные. Я плохо себя чувствую в их обществе. Теперь достаточно?

– Скажите, а жених Элены вам нравится?

– Жених как жених. – Она пожала плечами. – Почему он должен мне нравиться? Пусть он Эльке нравится.

– А в его обществе вы чувствуете себя хорошо, или он такой же, как ее родители?

– В его обществе я себя не чувствую. Никак.

– Почему?

– Потому что я не бываю в его обществе.

– Вы что же, даже незнакомы с ним?

– Почему, знакома.

– Как вы считаете, что он за человек?

Снова неопределенное пожимание плечами.

– Почему вы меня об этом спрашиваете? Спросите у Эли, она его лучше знает.

– Спрошу, – пообещал Коротков. – Но я хотел бы услышать ваше мнение.

– У меня нет мнения. Пожалуйста, Юрий Викторович, давайте будем говорить об Эле, а не о ее женихе.

– Вам неприятна эта тема?

– Да нет, просто про Элю я знаю все, а про него ничего сказать не могу.

– Катя, вы знаете, почему не состоялась свадьба?

– Эля сказала, в загсе девушку какую-то убили...

– А про письмо она вам рассказывала?

– Рассказывала.

– Как вам показалось, она была очень напугана этим письмом?

– Очень.

– У нее не возникло мысли отказаться от регистрации брака с Турбиным после этого письма?

– Она же поехала в загс на следующий день...

– Но то было на следующий день. А в пятницу, сразу после получения письма?

– Не знаю. После получения письма в пятницу она мне не звонила. Я узнала о нем только вчера, в воскресенье. Но думаю, что ее мамочка воспользовалась этим посланием и провела с Элькой воспитательную работу. Тамиле Шалвовне Турбин не нравится. Она, наверное, счастлива, что они не поженились.

– А что Тамилы Шалвовны имеет против него?

– Не знаю, это вы у нее спросите. Просто Элька всегда ужасно расстраивалась из-за того, что мать ее не одобряет.

– Расстраивалась, но замуж выйти все-таки решилась, – заметил Коротков.

– Она сильно влюблена. Тут уж не до материнского благословения.

– Катя, как вы думаете, кто мог написать Элене это письмо с угрозами?

– Не знаю.

– И никаких предположений?

– Ну... Сама Тамилы могла, с нее станется.

– Вот как? Это любопытно. Ваше предположение чисто интуитивное или оно основывается на каких-то фактах?

– Нет у меня никаких фактов. Просто я знаю: Тамилы по трупам пойдет, если ей надо.

– А ей надо?

– Не знаю. Может, она не хочет, чтобы Валера вошел в их семью. Знаете, денежные мешки всегда берегут свой клан от посторонних, особенно от нищих посторонних. А Тамилы и Иштван – снобы, каких свет не видел.

Валера... Нищий... Любопытно. Особенно если речь идет о человеке, с которым едва знакома. Что-то слишком часто она повторяет «не знаю», хотя должна бы

знать. Ведь она с семьей Бартош знакома много лет. Странная девушка эта Катя.

* * *

Голос Антона Шевцова по телефону совсем не походил на голос того энергичного молодого человека, который так напористо уговаривал Настю сфотографироваться на крыльце загса. Он говорил еле слышно, проглатывая слова и делая между ними длинные паузы.

– Да что с вами, Антон? – спросила Настя. – Вы больны?

– Знаете, расклеился что-то... Сердце прихватило. У меня это бывает.

– Ну надо же, – посочувствовала она, – в вашем-то возрасте.

– Это с детства. Знаете, бегаю, прыгаю, ночами не сплю, а потом вдруг прихватывает... Одышка ужасная и слабость. Дохожу до кухни и сажусь отдыхать. Потом встану, газ зажгу и снова отдыхаю. Потом воду в чайник налью... Я тут как-то время засекал: на то, чтобы встать с дивана и поставить на огонь чайник, у меня ушло сорок минут...

– Знакомая картина. У меня так бывало. Я вам очень сочувствую. Ладно, тогда уж не буду вас терзать. Поправляйтесь.

– А что вы хотели?

– Меня интересует одна из ваших фотографий, но если вы болеете... Ничего, это потерпит.

– Какая именно?

– На ней женщина, которая сразу после убийства успела уйти из загса. Ее имени нет в списках, составленных работниками милиции. Я подумала, может, вы что-нибудь о ней вспомните. У вас нет дома этих снимков?

– Нет, я же делал их в лаборатории и в одном экземпляре, чтобы быстрее было. А вы теперь будете заниматься этим делом?

– Не совсем... Я, видите ли, в отпуске с сегодняшнего дня. Так что мое участие в раскрытии убийств чисто номинальное. На уровне детектива-любителя.

– Вы сказали – убийств... – Антон снова перевел дыхание. Насте было слышно, как тяжело он дышит. – Их что, несколько?

– Два. В тот же день двумя часами раньше в другом загсе тоже застрелили невесту. Поэтому меня так интересует эта таинственная женщина. Может быть, в другом загсе ее тоже видели? Я, собственно, хотела попросить у вас негатив, чтобы сделать несколько отпечатков. Но это не столь важно, копии можно сделать и с фотографии. Негативы у вас тоже в лаборатории?

– Да. Если б знал... Взял бы с собой... Я так торопился в субботу, едва снимки высушил – и бежать. Меня ваш коллега ждал, Юрий.

– Спасибо вам, Антон. Извините, что побеспокоила. Лечитесь, выздоравливайте.

Настя положила трубку и откинулась на спинку стула. В который уже раз ей пришло в голову, что ощущение своего рабочего места, своего кабинета почему-то делается совсем другим, когда находишься в отпуске. Стены те же, и окно, и стол, и телефонный аппарат, и сейф, а все равно возникает какое-то странное чувство, что ты здесь чужая и находишься незаконно.

Конечно, она не выдержала и примчалась сюда. Лешка только хмыкнул, когда она робко сказала ему утром, что хочет заехать на работу.

– Давай поезжай. А я с чистой совестью буду работать на твоём компьютере. Я же вижу, как ты ерзаешь. Все равно тебе покоя не будет, Коротков без тебя как без рук.

В отличие от Чистякова полковник Гордеев Настю не одобрял.

– Научись отключаться, – буркнул он, увидев ее в коридоре. – Нельзя быть затычкой в каждой бочке.

Настя собралась было обидеться, но передумала. Ей и без того было чем занять голову.

Итак, два совершенно одинаковых убийства, совершенные с интервалом в два часа. Невесту убивают выстрелом из пистолета «ТТ» калибра 7,62 мм в туалетной комнате загса. Пистолет, по-видимому, с глушителем, потому что выстрела в обоих случаях никто не слышал. Преступник выбирал момент, когда девушка окажется в туалете одна, и стрелял с расстояния примерно 1,3–1,5 метра. Он достаточно хладнокровен, так как ухитрился в том и в другом случае войти в туалет и выйти из него незамеченным, иными словами – выжидал момент, когда в коридоре никого не будет. Поймать такой момент далеко не просто. Но ему это удалось. Или все-таки не ему, а ей? Может ли мужчина незаметно войти в женский туалет и выйти из него? И еще один вопрос: чтобы поймать момент, когда ситуация складывается наиболее благоприятно, нужно постоянно наблюдать за интересующим тебя местом. Значит, этот человек должен был находиться где-то рядом с тупичком, в который выходит дверь туалетной комнаты. Очень похоже, что стреляла женщина. Поэтому нужно срочно установить личность той немолодой дамы, которая оказалась на фотографии Антона Шевцова.

Настя еще раз перечитала копии протоколов осмотра места происшествия. Похоже, ее рассуждения не совсем точны. Положение трупа указывало на то, что выстрел мог быть произведен от двери, с порога. Оба здания загсов были типовыми, и туалетные комнаты для посетителей спланированы совершенно одинаково. У них был общий вход, ведущий в довольно просторное помещение, предназначенное для курения. А уже из курилки две двери вели в мужской и женский туалеты. Девушка выходит из туалета в общую комнату и видит, как навстречу ей идет человек. Она пугается и отступает назад... Шаг... Еще один... Девушка отступает в женский туалет, человек наступает и, дойдя до порога, производит выстрел. Может так быть? Вполне. Только нужно, чтобы в курилке в это время никого не было. Но в таком случае это вовсе не обязательно должна быть женщина. Это с равным успехом может оказаться и мужчина.

Испугается ли девушка, увидев, что в женскую туалетную комнату направляется мужчина? Может, и не испугается, но уж точно растеряется. А если идет женщина? Нормально. Почему нужно отступать назад? Одна выходит, другая входит, все естественно. А если это женщина, которая никак не должна здесь оказаться? Которую девушка и не предполагала здесь увидеть? Если у нее искаженное яростью лицо и безумные глаза? Тогда девушка может и попятиться

от нее. Особенно если в руках у этой женщины пистолет. Впрочем, пистолет в руках у мужчины – вещь, которая тоже не обещает ничего приятного. Значит, все сначала: или женщина, или мужчина.

И еще письма. Если предположить, что целью преступника было любым путем сорвать бракосочетание, например, Элены Бартош и Валерия Турбина, то логика может быть примерно такой: невеста накануне свадьбы получает письмо угрожающего содержания, а если на нее это не действует, то в загсе совершается убийство, которое уж точно сорвет нормальный ход регистрации браков. Правда, чтобы пойти на такие чудовищные меры, на карту должно быть поставлено очень многое. И совершенно неважно, какую девушку убить. Ту, которая окажется в туалете в подходящий момент. Важно сорвать регистрацию. Но почему? Зачем? Кому это нужно?

И зачем точно такое же письмо прислали ей, Насте? Уж ее-то свадьбу никто не хотел срывать. По крайней мере ей об этом ничего не известно. Ни ревнивых поклонников, ни брошенных Чистяковым женщин, ни имущественных споров – ничего. Выходит, это был заранее продуманный камуфляж. Если свадьба Бартош и Турбина не состоится из-за письма, полученное Настей письмо будет списано на чью-то злую шутку и вскорости благополучно забыто. Если же придется идти на крайние меры, чтобы не допустить к венцу Элену и Валерия, то второе письмо и второе убийство запутают следствие окончательно. Но для того, чтобы все это задумать и проделать, надо быть поистине монстром. Убить двух девушек в день свадьбы с единственной целью – не допустить бракосочетания третьей? В голове не укладывается...

Она уже собралась уходить домой, когда позвонил Коротков.

– Ты еще побудешь на работе? – спросил он.

– Собираюсь уходить. Уже девять часов вообще-то.

– Тогда я тебя перехвачу где-нибудь по дороге. Пошептаться надо.

Они встретились в метро на полпути к Настиному дому.

– Я тебя провожу, – сказал Коротков. – Хочу поделиться впечатлениями.

– О ком?

– О ближайшей и единственной подружке Элены Бартош, некой Екатерине Головановой. Меня, видишь ли, заинтересовал вопрос, почему она не поехала в загс и почему не ее пригласили быть свидетелем на свадьбе у Элены. Все-таки единственная подруга.

– И что оказалось?

– Ложь, круто замешенная на откровенном вранье.

– Гремучая смесь, – заметила Настя с улыбкой. – Рассказывай.

– Значит, так. Девушка Катя делает вид, что с Валерием Турбиным едва знакома, хотя учится она в том же самом институте, где Турбин в настоящее время пишет диссертацию, являясь аспирантом. Совершенно ясно, что Елена познакомилась с ним не в трамвае и не в очереди за билетами в театр, а при непосредственном участии Екатерины. К тому же в разговоре она в какой-то момент расслабилась и назвала Турбина Валерой, хотя до этого мы оба называли его не иначе как жених.

– А что Катя говорит по этому поводу?

– А ничего. Я не стал ей говорить о своих соображениях. Пусть пока врет, брать ее за горло еще время не подошло. Дальше. Во время разговора она мне заявила, что иногда выгоднее быть маленькой и глупенькой, чем взрослой и умной. Как тебе такое высказывание?

– Думаешь, она имела в виду Элену?

– Уверен. Кстати, она объяснила свое отсутствие на свадьбе тем, что ей не нравится семья Элены. И очень злобно отзывалась о матери своей подруги, Тамиле Шалвовне. Сказала, что та по трупам пройдет, если надо. И письмо Элене вполне могла написать она сама.

– Кто? Мать?

– Ну да. Так считает Катя. Якобы Тамиле активно не нравится жених.

– Но если он ей так не нравится, почему она позволила дочери подать заявление в загс? Почему допустила, чтобы дело дошло до регистрации?

– А выяснилось, что дочь ее и не спросила. Ей так хотелось стать женой Турбина, что они подали заявление тайком от родителей и признались им только две недели назад. И еще одна любопытная информация: первоначально регистрация Бартош и Турбина была назначена на 13.30. И только две недели назад Тамиле Шалвовна ездила в загс договариваться о том, чтобы их пропустили первыми, сразу после открытия. Нравится тебе такая прить?

– Ой не нравится, Юрик, ой не нравится, – покачала головой Настя. – В десять утра в загсе народу совсем мало. Удобно для совершения преступления.

– Вот-вот, и я про то же, – подхватил Коротков. – Но у нас с тобой снова нет определенности. С одной стороны – мать Элены, с другой – неизвестная женщина. Кому отдаем предпочтение?

– Ты забыл еще странную девушку Катю.

– Думаешь? – Он с сомнением посмотрел на Настю.

– А чего тут думать? Девушка явно знает Турбина лучше, чем хочет показать. В сочетании с ее нежеланием ехать на регистрацию это дает нам классическую картину ревности. Турбин предпочел ей хорошенькую глупенькую Элену, к тому же дочку богатых родителей. Не обидно ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandra-marinina/smert-i-nemnogo-lyubvi>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)